

ТРАДИЦИОННЫЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФУНДАМЕНТ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

TRADITIONAL NATIONAL-CULTURAL AND SPIRITUAL VALUES INNOVATIVE DEVELOPMENT BASIS OF RUSSIA

Научный журнал
Scientific journal

№ 2 (22) декабрь 2022 г.

Учредитель – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова.
(455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38).

16+, в соответствии с Федеральным законом №436-ФЗ от 29.12.10.

Founder – Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, pr. Lenina, Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000)

16+ in accordance with Federal Law #436-FZ dated 29.12.10

Адрес редакции:

455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38

Тел.: (3519) 29-85-44.

E-mail: rubanova64@mail.ru

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. К. Маркса, 45/2,

ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»,

издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. Ленина, 38,

ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»,

участок оперативной полиграфии

Editorial Office Address:

38, Lenin Prospect, Magnitogorsk, 455000, Russia

Phone number: (3519) 29-85-44

E-mail: rubanova64@mail.ru

Editorial office:

45/2 Karla Marksa prospekt, Magnitogorsk,

Chelyabinsk region, 455000, Russia

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Printing office:

38 Lenin prospekt, Magnitogorsk,

Chelyabinsk region, 455000, Russia

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Научный журнал № 2 (22) декабрь 2022 г.
ISSN 2309-768X

Scientific journal № 2 (22) december 2022
ISSN 2309-768X

Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России

Журнал включен в базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Traditional national-cultural and spiritual values innovative development basis of Russia

The Journal is included in the data-base of the Russian Science Citation Index (RSCI)

Главный редактор

В.Б. Волкова – доктор филологических наук, профессор Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Россия)

Editor in Chief

V.B. Volkova – D.Sc. (Philology), professor of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Редакционный совет

Е.М. Абайдельдинов – д. юрид. н., профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева) (Казахстан)

The Editorial Board

E.M. Abayeldinov – D.Sc. (Law), professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University. (L.N. Gumilyov ENU) (Kazakhstan)

Т.Е. Абрамзон – д. филол. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

T.E. Abramzon – D.Sc. (Philology), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Н.Р. Балынская – д. полит. н., профессор Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского (Россия)

N.R. Balynskaya – D.Sc. (Political), professor, South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky (Russia)

А.П. Власкин – д. филол. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

A.P. Vlaskin – D.Sc. (Philology), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Т.Б. Зайцева – д. филол. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

T.B. Zaitseva – D.Sc. (Philology), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Н.Б. Кириллова – д. культурологии, профессор Уральского федерального университета (Россия)

N.B. Kirillova – D.Sc. (Culturologies), professor, Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeitsin (Russia)

С.А. Песина – д. филол. н., д. философ. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

S.A. Pesina – D.Sc. (Philology), D.Sc. (Philosophy), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Е.Г. Постникова – д. филол. н., ведущий научный сотрудник НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

E.G. Postnikova – D.Sc. (Philology), leading researcher of the research Institute of historical anthropology and Philology Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

С.В. Рудакова – д. филол. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

S.V. Rudakova – D.Sc. (Philology), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

В.В. Филатов – д. историч. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

V.V. Filatov – D.Sc. (History), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Ответственный редактор

Ю.Л. Кива-Хамзина – к. философ. н, доцент, заведующий кафедрой Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Executive editor

Y.L. Kiva-Hamzina – PhD (Philosophy) of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Технический редактор

Н.А. Рубанова – доцент, к. юрид. н., доцент Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Technical Editor

N.A. Rubanova – PhD (Law), of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Дизайн обложки – Величко О.В.

Cover design – Velichko O.V.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ.....4	
Карпова Е.В., Баранихина А.П., Черемисина Ю.В. Правовая культура и юридический конфликт: онтогносеологические аспекты4	Сулейманов А.А. Быт коренных народов арктических районов Якутии в 50-е - начала 60-х гг. XX в. (по материалам исследований Академии наук СССР).25
Карпова Е.В., Кива-Хамзина Ю.Л., Рубанова Н.А. Некоторые аспекты регулирования труда спортсменов7	ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ29
Кривуть В.И. Стрелецкий союз "Стрелец" и развитие спорта в Западной Беларуси в межвоенный период12	Малеко В.Е. Фантастические существа в русской романтической прозе И.В. Киреевского и К.С. Аксакова: особенности изображения.....29
Лупандина Е.А. Приобщение дошкольников к народной культуре средствами традиционных народных промыслов17	Попова Л.В., Попов И.Ю. Образ законоучителя в русской языковой картине мира34
Новгородова Ю.Э., Мартынова Н.В. Гендерные особенности агрессивного поведения молодежи: теоретический аспект22	Уразаева Н.Р., Теморбулатова Е.А. Источники пополнения современного молодежного сленга в немецком языке39
	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....43

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

УДК 34.01:378

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ЮРИДИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ: ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Карпова Е.В., Баранихина А.П., Черемисина Ю.В.

Целью настоящего исследования является выявление онтогносеологической взаимосвязи объективных и субъективных факторов определяющих метафизическую природу юридического конфликта. Методы исследования: онтологический и гносеологический философские подходы. Результаты исследования: выявление онтогносеологической природы юридического конфликта как события, совокупности объективных и субъективных факторов, онтогносеологического единства внутреннего и внешнего во взаимосвязи с феноменом правовой культуры.

Ключевые слова: Правовая культура, правосознание, юридический конфликт, правовая ситуация, правовой спор, стороны конфликта.

The purpose of this study is to identify the onto-epistemological relationship between objective and subjective sensations of sensory metaphysical properties of a legal dispute. Research methods: ontological and epistemological philosophical approaches. Research results: identification of the onto-epistemological legal nature as coexistence, objective and subjective phenomena, onto-epistemological unities of internal and external connections with the phenomenon of perception of culture.

Keywords: Legal culture, legal consciousness, legal conflict, legal situation, legal dispute, parties to the conflict.

Проблематика юридического конфликта носит междисциплинарный характер и находится в сфере научных интересов теории государства и права, юридической конфликтологии, отраслевых правовых дисциплин. Научная литература представлена исследованиями социальной роли юридического конфликта и развитии юридической конфликтологии [6; 10; 12]. Д.В. Кривоносовой исследуются общие проблемы преодоления юридических конфликтов [8; 9]. Ряд научных исследований посвящены преодолению юридических конфликтов в различных отраслях права [1; 7; 11]. В данном исследовании, используя ранее разработанный научный инструментарий [2-5], мы постараемся проникнуть в метафизическую сущность юридического конфликта и рассмотреть этот феномен с философско-правовой точки зрения.

Как нам представляется, юридический конфликт представляет собой конкретную жизненную ситуацию, выраженную в противоборстве сторон, которая несёт в себе объективные и субъективные противоречия и разрешается правовыми средствами.

Юридический конфликт как конкретная жизненная ситуация имеет пространственно-временное измерение (время и место) и развитие в пространстве и времени. Пространственное измерение юридического конфликта определяется совокупностью мест действия конфликтной правовой ситуации, ключевыми из которых являются место

возникновения конфликта, место разрешения конфликта. С пространственной точки зрения юридический конфликт высвечивает взаимосвязь между внешней и внутренней жизнью субъекта, позволяющую понять необходимость тех или иных усилий, которые нужно предпринять для решения внешней юридической проблемы. Правовые нормы определяют социальные пространственные границы возможностей субъекта. Развитие юридического конфликта во времени предполагает последовательную смену фаз: фаза начала конфликта, подъём, пик и спад.

Сторонами юридического конфликта являются субъекты правовых отношений. С онтологической точки зрения субъект правовых отношений как сторона юридического конфликта представляет собой триединство индивида, лица и личности.

Субъект как индивид представляет собой природное чувственное начало, фиксирует правовую ситуацию на физическом уровне бытия как взаимодействие индивида со средой обитания. Для определения характера роли в юридическом конфликте имеет значение чувственная и интеллектуальная способность индивида к восприятию правовой ситуации. Речь идёт о способности понимать значение своих действий и руководить ими.

Субъект как лицо характеризуется его социальной ролью в правовых отношениях. Юридический статус стороны юридического

конфликта определяется нормами материального и процессуального права (правонарушитель-потерпевший, истец – ответчик).

Субъект как личность представляется как деятельное проявление свободы воли и правосознания, носитель определённого уровня правовой культуры, вплетённый в духовный слой бытия.

Уровень правовой культуры характеризует степень духовного развития субъекта правовых отношений как стороны юридического конфликта. Уровень правовой культуры характеризуется усвоенными субъектом правовыми нормами, смыслами, ценностями, знанием своих прав и обязанностей, способностью оценивать объективные обстоятельства как юридические факты, свои деяния с точки зрения различных видов правовой ответственности, умением создавать и использовать правовые артефакты, взаимодействовать с существующими объективно правовыми институтами, ценностным отношением к правовым институтам. В зависимости от уровня правовых знаний принято выделять бытовой, профессиональный и научный уровень правовой культуры субъекта. По нашему мнению, исходя из степени правовой активности поведения, можно выделить такие типы правовой культуры субъекта, как социально-активный, законопослушный, конформистский, маргинальный, преступный. В связи с этим, как нам представляется, уровень и тип правовой культуры субъекта определяют предпосылки, причины, характер развития и результаты разрешения юридического конфликта.

Субъект с социально-активным поведением, обладающий научным, профессиональным уровнем правовой культуры или активно интересующийся правом на бытовом уровне способен предвидеть конфликтные правовые ситуации и не допускать, предотвращать или разрешать их, исходя из своих интересов и защищая интересы других лиц, активно используя весь арсенал возможных правовых средств. При необходимости социально-активный субъект способен создать конфликтную юридическую ситуацию для разрешения социальных противоречий в целях защиты интересов государства, общества или конкретного лица.

Законопослушный тип не так активен, он стремится не допускать конфликтных ситуаций, но, обладая достаточным уровнем правовых знаний, способен предвидеть конфликтную правовую ситуацию и разрешать юридический конфликт в правовом поле, используя правовые средства, в том числе примирительные процедуры, защищать свои интересы и интересы других лиц.

Конформист следует предписаниям правовых норм под влиянием чужого мнения, стадного поведения, общественного давления той или иной социальной группы, в окружении которой он

находится в конкретной жизненной ситуации. Мотивами могут быть страх, желание выжить, угодить, получить признание. Такое поведение может привести к юридическим правонарушениям. Угроза и неотвратимость наступления ответственности может мотивировать конформиста на правомерное поведение. Большое значение в повышении уровня правовой культуры конформиста будет иметь правовое воспитание и образование, авторитет преподавателя, сотрудников правоохранительных органов. Конформист стремится не допускать юридических конфликтов, однако нередко может стать жертвой конфликтной ситуации. При этом он не станет активно защищать свои права или права других лиц, промолчит. Юридический конфликт останется латентным.

Маргинальный тип встречается среди беженцев и вынужденных переселенцев, находящихся на территории чужого государства и не сумевших влиться в местную правовую культуру, среди лиц без определённого места жительства. Также речь может идти о представителях религиозных меньшинств, лицах, вышедших из мест лишения свободы, представителях радикальных политических течений, приверженцах вредных привычек, инвалидах. Маргиналы способны создавать юридические конфликтные ситуации в силу неопределённости, стрессового напряжения и неуверенности в завтрашнем дне, которые несёт их образ жизни. Им сложно бывает выйти из юридического конфликта самостоятельно. Нередко маргиналы становятся жертвами юридических конфликтов. Для разрешения юридических конфликтов им может потребоваться квалифицированная юридическая помощь органов государственной власти, органов местного самоуправления, специальных служб.

Преступная деятельность предполагает умышленное создание юридических конфликтов общественно опасного характера. Юридический конфликт для преступного типа социальной активности является смыслом, способом существования и деятельности независимо от уровня правовых знаний. Фактом совершения деяний, содержащих признаки состава преступления, преступник вступает в юридический конфликт с государством, посягая на защищаемые общественные отношения. Юридический конфликт разрешается через привлечение к ответственности виновного лица на основе доказанного состава преступления следственными органами, по приговору суда, посредством деятельности органов исполнения наказания.

Таким образом, с онтологической точки зрения юридический конфликт – правовая ситуация, проявляющаяся в пространственно-временном измерении одновременно как противостояние интересов сторон и событие, совокупность

объективных и субъективных факторов, внутреннего и внешнего.

Сторонами юридического конфликта выступают субъекты правовых отношений с онтологической точки зрения, выступающие в триединстве индивида, лица и личности. Уровень и тип правовой культуры личности субъекта определяют предпосылки, причины, характер развития и результаты разрешения юридического конфликта. Уровень правовых знаний (бытовой, профессиональный и научный) и степень правовой активности поведения субъекта определяет типы правовой культуры (социально-активный, законопослушный, конформистский, маргинальный, преступный) и особенности поведения в юридическом конфликте.

Список литературы

1. Дресвянская Е.А. Право как инструмент разрешения юридического конфликта: к вопросу о правовом регулировании участия информационного посредника в сфере обеспечения авторского права в сети интернет // Оригинальные исследования. 2021. Т. 11. № 6. С. 84-89.
2. Карпова Е.В. К вопросу о восприятии пространства // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 29 (167). С. 34-36.
3. Карпова Е.В. К понятию «Социокультурное восприятие пространства в философско-правовых представлениях» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 128-131.
4. Карпова Е.В. Объективные условия восприятия пространства в философско-правовых представлениях юснатурализма // Политика и общество. 2012. № 12 (96). С. 35-44.
5. Карпова Е.В. Онтологические основания социокультурного восприятия пространства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 10 (116). С. 65-71.
6. Карпунина В.В. Нравственно-юридический конфликт как источник развития правовой жизни общества // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2021. № 4. С. 155-160.
7. Корсик К.А. Исполнительная надпись нотариуса как способ разрешения юридических конфликтов // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11 (132). С. 174-179.
8. Кривоносова Д.В. Этапы и процедуры преодоления юридических конфликтов // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 3. С. 73-81.
9. Кривоносова Д.В. Конфликты в сфере применения права: предпосылки, параметры, динамика развития // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 1. С. 84-97.
10. Слабкая Д.Н., Новиков А.В. Феномен юридического конфликта. юридическая психология // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 1-1. С. 161-167.
11. Третьяк И.А. Конституционно-конфликтная диагностика: к вопросу о совершенствовании методологии конституционного права // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17. № 3. С. 5-15.
12. Турсунбаева Н.С. О юридической конфликтологии и ее развитии // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 12.

УДК 349.2

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА СПОРТСМЕНОВ

Карпова Е.В., Кива-Хамзина Ю.Л., Рубанова Н.А.

В статье анализируются научно-практические проблемы в трудовых отношениях в сфере спорта. Авторы рассматривают возможные управленческие решения для реализации норм трудового права в ходе регулирования выполнения спортсменами трудовых функций, учитываются социально-экономические гарантии, предусмотренные трудовым законодательством. Авторское исследование правового регулирования трудовой сферы в отношении работодателей со спортсменами основано на методах исследования: методы сравнительного и системного анализа законодательства, научной литературы и судебной практики.

Ключевые слова: Трудовые отношения в спорте, трудовой договор, социально-экономические гарантии спортсменам.

The article analyzes scientific and practical problems in labor relations in the field of sports. The authors consider possible management decisions for the implementation of labor law norms in the course of regulating the performance of labor functions by athletes, taking into account the socio-economic guarantees provided for by labor laws. The author's study of the legal regulation of the labor sphere of relations with athletes is based on research methods: methods of comparative and systematic analysis of legislation, scientific literature and judicial practice.

Keywords: Labor relations in sports, employment contract, socio-economic guarantees for athletes.

Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) регулирует трудовые отношения с лицами, чья трудовая функция включает подготовку к спортивным соревнованиям и участие в спортивных соревнованиях по определенным видам или видам спорта. В соответствии со статьей 348.1 ТК РФ данными лицами являются спортсмены.

Выполнять функции работодателей для данных работников могут лица: индивидуальный предприниматель, юридическое лицо. Существует запрет выступать работодателем для физических лиц, если они не зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей [1,2,5,6].

Возникновение непосредственных трудовых отношений со спортсменами по соглашению сторон основывается на трудовом договоре. Договор заключается либо на неопределенный срок, либо имеет срочный характер до 5 лет. Данные положения закреплены в ст. 348.2 и определяют особенности заключения трудовых договоров со спортсменами. Например, обязанность работодателя обеспечить за счет собственных средств для спортсмена: страхование жизни и здоровья; медицинское страхование, которое позволяет спортсмену получить дополнительные медицинские услуги и иные услуги больших по объему, которые устанавливаются программами обязательного медицинского страхования и уточняют конкретные виды страхования.

Трудовой договор между спортсменом и его работодателем, как и любой другой трудовой договор, может включать дополнительные условия актуальные как для работодателя, так и для

спортсмена. Такие дополнительные условия не должны ухудшать положение спортсмена. К ним можно отнести: обязательное использование спортивной экипировки во время занятий в рабочее время. На работодателя возлагается обязанность за счет своих ресурсов приобрести ее для каждого спортсмена [3,4,9,10,11].

Есть некоторые особенности, которые возникают в трудовых отношениях со спортсменами, отражаемые в трудовом договоре. Например, установление порядка денежной выплаты в пользу работодателя спортсменом при расторжении трудового договора. Данные обязательства и размер выплаты отражаются в трудовом договоре на основании статьи 348.12 ТК РФ:

- при расторжении трудового договора по инициативе спортсмена, в частности, по собственному желанию, при отсутствии уважительных причин,

- также, в случае расторжения трудового договора по инициативе работодателя, если основанием является дисциплинарное взыскание (ст. 192 ТК РФ).

При определении размера денежной выплаты, законодательством устанавливается двухмесячный срок денежной выплаты со дня расторжения трудового договора. Иной срок может быть предусмотрен трудовым договором [7,8].

Для исключения неправомерных действий спортсмена, на работодателя ложится обязанность ознакомить спортсменов под роспись: с нормами, которые утверждены общероссийскими спортивными федерациями, правилами определенных видов спорта, положениями (регламентами) спортивных

соревнований, общероссийскими антидопинговыми правилами и антидопинговыми правилами, которые утверждены международными антидопинговыми организациями [12,14,23].

Здоровье работника – это залог возможности в полном объеме выполнить трудовые функции. На основе особенных физических последствий для спортсмена при получении травм особо оговорены вопросы медицинских осмотров. В части проведения медицинских осмотров спортсмена законодатель закрепил норму ст. 348.3 ТК РФ. Для спортсмена обязательный предварительный медицинский осмотр является основным элементом для заключения трудового договора [13]. Не избежать спортсмену в период действия договора обязательных периодических медицинских осмотров. Такие осмотры позволят определить: пригоден ли спортсмен для выполнения данной работы? Важно отметить тот факт, что для работодателя значим момент снижения рисков профессиональных заболеваний и спортивного травматизма. Работодатель обязан организовывать проведение медицинских осмотров спортсмена за счет собственных средств:

- обязательные предварительные осмотры при поступлении на работу,
- периодические осмотры не реже одного раза в год в течении трудовой деятельности,
- при внеочередных медицинских осмотрах по просьбе спортсмена на основе медицинских рекомендаций.

Закреплена обязанность спортсмена проходить указанные медицинские осмотры и следовать медицинским рекомендациям. В период проведения медицинских осмотров за спортсменом сохраняется место работы (должность) и средний заработок.

Специфична ситуация, когда работодатель не может обеспечить спортсмену участие в спортивных соревнованиях. Правовые нормы в данном случае допускают временный перевод спортсмена, при его письменном согласии, к другому работодателю на срок не более одного года [22]. На период такого перевода работодатель по месту временной работы должен заключить со спортсменом только срочный договор (ст. 348.2 ТК РФ). На период временного перевода действие договора с основным работодателем приостанавливается, но важным является момент, что течение срока действия договора не прерывается (ст. 348.7 ТК РФ). При прекращении временного перевода договор с основным работодателем продолжает действовать в полном объеме.

Необходимо отметить, что в течение срока временного перевода на спортсмена и на работодателя (по месту временной работы) в полном объеме с особенностями распространяются правила, установленные трудовым законодательством и

иными актами, содержащими нормы трудового права. Значим тот факт, что работодателю по месту временной работы спортсмена запрещено переводить его к другому работодателю [15,16,17]. Также как основной работодатель, так и работодатель по временному месту работы спортсмена не имеют право запрещать спортсмену работать дополнительно по совместительству.

Трудовое законодательство закрепляет норму, благодаря которой, первоначально заключенный трудовой договор вступит в силу в полном объеме со следующего рабочего дня после календарной даты, с которой будет связано прекращение трудового договора, заключенного на период временного перевода, в том числе и при досрочном прекращении по любому из оснований, установленных законодательством.

Первоначально заключенный договор со спортсменом будет прекращен, если по истечении срока временного перевода к другому работодателю спортсмен продолжит работать у него и никто не потребует прекращения трудового договора, заключенного на период временного перевода [18,20,21,23]. С этого момента действие трудового договора, заключенного на период временного перевода, будет продлено на срок, который определяется соглашением сторон, а если такое соглашение отсутствует, то продлевается на неопределенный срок.

Вопрос заработной платы спортсмена в ситуации, когда работодатель не включает его в заявку на участие в спортивном соревновании, решается в пользу спортсмена. Даже если спортсмен не отвечает требованиям, установленным организатором спортивного соревнования – это не дает права снижения ему заработной платы [24,27]. Наоборот, работодатель должен обеспечить участие спортсмена в тренировочных и других мероприятиях по подготовке к спортивным соревнованиям [25,26,28].

Дополнительного правового регулирования требует финансирование отстранения спортсмена от участия в спортивных соревнованиях. В каких случаях работодатель должен отстранить спортсмена:

- при наличии спортивной дисквалификации,
- по требованию общероссийской спортивной федерации по соответствующему виду спорта на основе установленной нормы (ст. 348.5 ТК РФ).

Работодатель обязан отстранить спортсмена от участия в спортивных соревнованиях в данной ситуации на весь период, пока не будут устранены обстоятельства, являющиеся препятствием. В тоже время, весь этот период работодатель обеспечивает спортсмену участие в тренировочных и иных мероприятиях по подготовке к спортивным соревнованиям, сохраняет за ним часть заработка в

размере, который был установлен трудовым договором, но не менее размера, который устанавливает ст. 155 ТК РФ.

При невыполнении норм труда и неисполнении трудовых обязанностей оплата труда устанавливается трудовым законодательством, которым должен руководствоваться работодатель. Необходимо определить - кто виновен в данной ситуации? Обычно выявляется три варианта невыполнения норм труда или неисполнения трудовых обязанностей:

- установлена вина работодателя - оплата труда спортсмена производится в размере не ниже средней заработной платы работника, с расчетом пропорционально фактически отработанному времени;

- были причины не зависящие от воли сторон – спортсмену сохраняется не менее двух третей тарифной ставки или оклада, с расчетом пропорционально фактически отработанному времени;

- установлена вина спортсмена - оплата нормируемой части заработной платы производится в соответствии с объемом выполненной работы.

Актуальна ситуация для взаимоотношений работодателя и спортсмена - направление спортсмена в спортивные сборные команды Российской Федерации. Работодатель обязан по вызову или заявке общероссийских спортивных федераций направлять спортсменов, при наличии их письменного согласия, в спортивные сборные команды Российской Федерации для участия: в тренировочных и организационных мероприятиях по подготовке к спортивным соревнованиям, в международных официальных спортивных мероприятиях в составе команд (ст. 348.6 ТК РФ).

В данных ситуациях за спортсменом сохраняются место работы (должность) и средний заработок на время отсутствия:

- в течение срока действия трудового договора на рабочем месте, в связи с проездом к месту расположения спортивной сборной команды Российской Федерации и обратно,

- в связи с участием в спортивных мероприятиях в составе команды.

Расходы по проезду спортсмена к месту расположения спортивной сборной команды РФ и обратно, другие расходы, связанные с их участием в спортивных мероприятиях в составе команды, возмещаются в порядке, предусмотренном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также нормами, утвержденными общероссийскими спортивными федерациями (Ст. 35 ТК РФ).

Работодатель обеспечивает спортсмену дополнительные финансовые гарантии и компенсации за счет собственных средств. К таким гарантиям законодатель относит обеспечение:

- спортивной экипировкой,
- оборудованием и инвентарем,
- материально-техническими средствами, необходимыми для осуществления их трудовой деятельности (ст. 348.10 ТК РФ).

Материально-техническое обеспечение спортивных сборных команд Российской Федерации за счет средств федерального бюджета осуществляется в порядке, установленном уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

Спортсменам предоставляется ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск не менее 4 календарных дней. В тоже время его продолжительность может в сторону увеличения устанавливаться коллективным договором, локальным нормативным актом, трудовым договором.

В случае нетрудоспособности спортсмена из-за травмы, полученной в рамках трудовой деятельности, работодатель обязан произвести доплату к пособию по временной нетрудоспособности за счет своих средств. Доплата осуществляется до размера среднего заработка в случае, когда размер пособия ниже среднего заработка спортсмена и разница между размером пособия и размером среднего заработка не покрывается страховыми выплатами по дополнительному страхованию спортсмена, осуществляемому работодателем.

Улучшая положение спортсмена как работника, работодатель должен профинансировать дополнительные гарантии и компенсации, которые отражены в коллективном договоре, трудовом договоре или иных локальных актах организации. Например, могут предусматриваться такие условия как проведение восстановительных мероприятий в целях улучшения здоровья спортсмена, предусматриваться гарантии в случае его спортивной дисквалификации; устанавливаться размеры и порядок выплат дополнительных компенсаций в связи с переездом на работу в другую местность; закрепляться предоставление питания за счет работодателя, дополнительные денежные выплаты спортсмену в случаях возникновения временной нетрудоспособности или полной утраты трудоспособности в период действия трудового договора, оплата работодателем обучения спортсмена в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, и другие.

В целях эффективности обороны страны на современном этапе Правительство РФ может вводить специальные экономические меры, устанавливая особенности правового регулирования [19]. В частности, такие меры касаются порядка и условий привлечения к работе работников, когда необходима работа сверхурочная, выход на работу в ночное

время, или есть необходимость сделать задание в выходные и праздничные дни, индивидуально подходить к вопросу предоставления ежегодных оплачиваемых отпусков. Значимые меры для государства введены в июле 2022 и могут применяться как в отдельных организациях, так и в их структурных подразделениях или на отдельных производственных объектах. В том числе, учитываются особенности режима рабочего времени спортсменов. Необходимо отметить, что дополнительно к законодательно установленным нормам, обозначенным выше, регулирование трудовых отношений может устанавливаться коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в части режима рабочего времени спортсмена.

Таки образом, трудовые отношения между работодателем и спортсменом имеют особенности, отличные от отношений с другими работниками. Этот факт требует от работодателя внимательного изучения всех правовых норм, влияющих на трудовые отношения со спортсменом, быть готовым нести ответственность за нарушения трудового законодательства и иных норм, при необходимости нести дополнительные финансовые затраты.

Список литературы

1. Адриановская Т.Л. Компенсации в трудовом праве и праве социального обеспечения // В сборнике: Социальные обязательства государства: правовое регулирование. Материалы межрегионального круглого стола. Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». 2015. С. 11-18.
2. Андриановская И.И. Трудовой договор [Текст] : (заключение, изменение, прекращение) : учебное пособие / И. И. Андриановская. Москва : Юрлитинформ, 2017. 180 с.
3. Бухалков, М.И. Управление персоналом: развитие трудового потенциала [Электронный ресурс]: учеб. пособие / М.И. Бухалков. - М.: ИНФРА-М, 2018. - 191 с. - (Высшее образование: Магистратура) - Режим доступа: <https://new.znanium.com/read?pid=953921> - Загл. с экрана.
4. Вахрушева Ю. Что следует предусмотреть в трудовом договоре, чтобы облегчить внесение в него изменений в будущем. Практика споров // Трудовое право. 2014. № 7. С. 53-65. Вахрушева Ю. Что следует предусмотреть в трудовом договоре, чтобы облегчить внесение в него изменений в будущем. Практика споров // Трудовое право. 2014. № 7. С. 53-65.
5. Головина С.Ю. Трудовой договор как юридическая конструкция [Текст] / С.Ю. Головина. // Вестник Пермского университета. 2013. № 3. С. 65-72.
6. Гейхман В.Л. Свобода труда и право на труд: современное состояние и перспективы развития (к 20-летию российской конституции) // Вестник Российской правовой академии. 2013. № 4. С. 19-22.
7. Дмитриева И.К. Значение основных принципов трудового права // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 3. С. 11-14.
8. Ерёмина С.Н. «Эффективный контракт» в трудовом праве // Журнал российского права. 2014. № 4.
9. Кабирова О.Р., Кива-Хамзина Ю.Л., Рубанова Н.А. Основы законодательства российской федерации в области физической культуры и спорта // Электронное издание / Магнитогорск, 2021.
10. Кабирова О.Р., Кива-Хамзина Ю.Л., Рубанова Н.А. Физическая культура и спорт: частноправовые аспекты: учебное пособие / О.Р. Кабирова, Ю.Л. Кива-Хамзина, Н.А. Рубанова. Магнитогорск. Изд-во Магнитогорск гос. техн. ун-та им Г.И. Носова. 2022. 123 с..
11. Карпова Е. В. Онтологические основания социокультурного восприятия пространства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 10 (116). С. 65-71.
12. Карпова Е.В., Кива-Хамзина Ю.Л., Рубанова Н.А. Рационализаторская деятельность: аспекты гражданского и трудового права // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 2-1. С. 235-243.
13. Карпова Е.В., Рубанова Н.А. Проблемы повышения качества образования в процессе преподавания дисциплин, связанных с реализацией права на труд: юридический и педагогический аспекты // Юридическое образование и наука. 2020. №7. С. 40-44.
14. Кузнецова Н.В. Непрерывная профессиональная подготовка управленческих кадров как необходимое условие инновационного развития // Экономика и политика. 2018. № 1 (11). С. 31-34.
15. Лебедев В.М. Некоторые проблемы развития трудового права России // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 158-166.
16. Лушникова М.В. Юридическая конструкция способов защиты трудовых прав работника // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2012. № 6. С. 105-128.
17. Мещерякова Т. Р. Применение трудового законодательства к регулированию отношений государственной гражданской службы // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2012. № 4 (40). С. 96-99.
18. Орловский Ю.П. Теория и практика трудового договора // Трудовое право России: проблемы теории и практики. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Григорьевича Александрова. М.: Проспект, 2008.
19. Павловская О.Ю. Сокращение численности (штатов) организации: правовой аспект и правоприменительная практика // Право и экономика. 2013. № 10.
20. Пасынкова, Т. О. К вопросу о трудовой правоспособности и дееспособности несовершеннолетних / Т. О. Пасынкова // Образовательная система: вопросы теории и практики : сборник научных трудов. – Казань : ООО СитИвент, 2019. – С. 93-98.
21. Погорелова, В. А. Некоторые особенности трудоустройства лиц, не достигших 18 лет / В. А. Погорелова // Эпомен. – 2020. – № 49. – С. 255-259.
22. Рубанова Н.А. К вопросу о трудовом договоре // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2018. № 2 (14). С. 71-73.
23. Рубанова Н.А. О соотношении понятий контроля и надзора за процедурой лицензирования образовательной деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7-1 (21). С. 161-165.

24. Рубанова Н.А. Трудовые отношения: соотношение прав и обязанностей работника и работодателя // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 10-1. С. 202-210.
25. Рубанова Н.А. Актуальные вопросы административно-правового регулирования в сфере культуры и образования // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2015. № 2 (8). С. 78-80.
26. Русских, Т. В. К вопросу об оплате труда творческих работников / Т. В. Русских // Кадровик. – 2021. – № 4. – С. 47-54.
27. Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. М.: Статут, 2006. 539 с.
28. Шувалова, И.А. Трудовые права работников [Электронный ресурс]: науч.-практич. пособие / И.А. Шувалова. - М. : ИНФРА-М, 2018. - 190 с. - Режим доступа <https://new.znaniium.com/read?pid=961350> - Загл. с экрана.
-

УДК 94 (476 – 15) + 94 (438)

СТРЕЛЕЦКИЙ СОЮЗ «СТРЕЛЕЦ» И РАЗВИТИЕ СПОРТА В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Кривуть В.И.

Статья посвящена исследованию деятельности Стрелецкого союза «Стрелец» по развитию физической культуры и спорта на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Характеризуется проведение спортивной работы в Стрелецком союзе в ходе реализации военной подготовки его членов. Анализируется участие западно-белорусских подразделений Стрелецкого союза в подготовке и проведении разного рода спортивных мероприятий. Сделаны выводы о том, что Стрелецкий союз внес определенный вклад в развитии спорта на территории Западной Беларуси, но из-за тяжелого материального положения молодого поколения региона спортивная деятельность стрелецкой организации не смогла приобрести по-настоящему массовый характер. В ходе работы над статьей был использован широкий спектр документальных и зарубежных историографических источников.

Ключевые слова: Западная Беларусь, Стрелецкий союз, молодежная политика, физическое воспитание.

The article is devoted to the study of the activities of the Shooting Union "Streltsy" for the development of physical culture and sports on the territory of Western Belarus in the interwar period. It characterizes the conduct of sports work in the Shooting Union in the course of the implementation of the military training of its members. The participation of the Western Belarusian divisions of the Shooting Union in the preparation and holding of various sports events is analyzed. It was concluded that the Shooting Union made a certain contribution to the development of sports in Western Belarus, but due to the difficult financial situation of the young generation of the region, the sports activities of the Streltsy organization could not acquire a truly massive character. In the course of work on the article, a wide range of documentary and foreign historiographic sources was used.

Keywords: Western Belarus, Shooting Union, youth policy, physical education.

Проправительственные молодежные организации являлись одним из основных инструментов осуществления государственной молодежной политики на территории Западной Беларуси, которая в межвоенный период находилась под польской оккупацией. Наиболее активным среди них был Стрелецкий союз «Стрелец», который проводил достаточно многогранную деятельность в молодежной среде региона. Одним из направлений этой деятельности было развитие спорта и физической культуры. К сожалению, данная проблематика не нашла должного освещения в отечественной историографии. Поэтому существует необходимость раскрытия целей, которые ставились перед Стрелецким союзом в сфере развития спорта и физической культуры, методов и результатов его работы в данной области. Это позволит не только дать более подробную характеристику официальной польской молодежной политики на территории Западной Беларуси в 1920-е – 1930-е гг., но и создать более объективное представление о общественно-политической жизни региона в целом.

Стрелецкий союз «Стрелец» был создан в августе 1919 г. и с течением времени превратился в одну из самых влиятельных молодежных организаций проправительственной ориентации межвоенной Польши. На территории Западной Беларуси существовали два округа «Стрельца» – № 3

«Гродно» и № 9 «Полесье», территории которых совпадали с дислокацией военных округов польской армии. Округ «Гродно» делился на подокруга с центрами в Белостоке, Вильно, Гродно и Молодечно. Округ «Полесье» имела подокруга «Новогрудок» и «Брест». Подокруга делились на поветы и гмины, где создавались соответственно поветовые и гминные комендантуры «Стрельца» [1, л. 106].

Благодаря активной поддержке со стороны местных и центральных властей Стрелецкий союз был достаточно массовым объединением. По всей Польше в 1934 г. он насчитывал 300 000 членов, из которых в 3-м и 9-м округах – около 50 000 человек. Согласно официальным данным того времени, стрелецкая организация Виленщины являлась самой сильной во всем тогдашнем польском государстве [2, л. 112]. Членами «Стрельца» на территории Западной Беларуси были прежде всего дети польских чиновников и осадников (военных поселенцев-колонистов), но одновременно присутствовало и значительное количество польских крестьян и белорусов-католиков. Например, в мае 1931 г. на территории Барановичского повета белорусы составляли около 30% местных стрельцов и 15% членов правлений отрядов союза [3, с. 356].

Уставные документы «Стрельца» провозглашали главной задачей его деятельности «увеличение качества и силы нации для развития

державной мощи Государства». Этого планировалось достичь через гражданское воспитание членов организации, подготовку их к военной службе, а также через физическое воспитание и спорт [4, с. 9]. Если характеризовать последнее направление деятельности, то предлагались следующие средства его реализации:

1) проведение спортивных клубов, кружков и консультаций, курсов, занятий, лагерей, а также спортивных мероприятий;

2) участие в общегосударственных и международных спортивных союзах и объединениях;

3) строительство и эксплуатация стадионов, спортивных и гимнастических площадок, бассейнов и различных иных спортивных объектов [4, с. 10-11].

Отдельным пунктом подчеркивалась необходимость развития и пропаганды внутри организации и за ее пределами стрелкового спорта [4, с. 10].

Необходимо отметить, что поддержка и развитие физической культуры и спорта являлась важной частью официальной молодежной политики, особенно после установления в Польше в результате военного переворота «санационного» режима в мае 1926 г. Лидер «санации» маршал Ю. Пилсудский считал физическую силу важным фактором боеспособности армии. В соответствии с его мнением задачи в сфере развития физической культуры возлагались не только на школу и армию, но и на местное самоуправление, а также на спортивные союзы и общественные, прежде всего молодежные, организации [5, с. 111]. В январе 1927 г. по инициативе Ю. Пилсудского было создано Государственное управление физического воспитания и военной подготовки, которое должно было руководить всей деятельностью, связанной с всеобщим физическим воспитанием и военной подготовкой. Кроме того, создавались воеводские, поветовые и городские комитеты физического воспитания и военной подготовки. Они являлись органами, которые осуществляли координацию сотрудничества государственных и общественных структур в данной сфере [6, с. 60]. Понятно, что такое ведущее молодежное объединение, как Стрелецкий союз, не могло оставаться в стороне от этого сотрудничества и должно было в той или иной мере развернуть спортивную деятельность.

В первую очередь определенная физическая подготовка членов «Стрельца» проходила во время реализации главного направления его деятельности – военной подготовки (ВП). Она была разделена на две ступени (школа младших и старших юношей). Программа каждой ступени была рассчитана на 130 часов, из которых 35 отводились на физическое воспитание. ВП завершалась в летних лагерях, где на физическое воспитание отводилось еще 30 из предусмотренных программой 105 часов [7, л. 28].

Физическое воспитание в рамках ВП

предусматривало марши, бег, метание гранаты, элементы фехтования, спортивные игры (футбол, баскетбол), легкую атлетику, плавание. Чтобы получить свидетельство о завершении второй ступени ВП, член Стрелецкого союза, помимо всего остального, должен был иметь «Польское спортивное отличие» (аналог ГТО) и сдать норматив по плаванию (25 метров вольным стилем) [7, л. 28; 8, с. 7].

Однако «Стрелец» не ограничивался только физическим воспитанием своих членов в рамках непосредственно военной подготовки. При этом, как отмечалось на официальном уровне, при решении проблемы физического воспитания и спорта во внимание принимались такие факторы, как массовость данного вида спорта, его удобство с точки зрения обучения, дешевизна оборудования и объектов, соответствие возрасту и полу членов организации [9, с. 80]. На территории Западной Беларуси учитывался и тот фактор, что спорт должен был содействовать привлечению местной белорусской молодежи в ряды «Стрельца». Так, согласно официальным отчетам, отмечалось, что в Пинском, Лунинецком и Столинском поветах Полесского воеводства «сельская молодежь является белорусской и не желает участвовать в военных занятиях. К работе в ВП ее можно привлечь только через организацию спорта, игр и забав» [10, л. 59].

Наибольшее распространение в Стрелецком союзе, в том числе и на территории Западной Беларуси, получили такие виды спорта, как марши (поскольку они не специальной экипировки и оборудования), спортивные игры (баскетбол, волейбол, футбол), плавание, бокс, стрелковый спорт, лыжный спорт. Уже в 1928 г. «Стрелец» начал проводить сдачу нормативов на т.н. «Спортивное отличие Стрелецкого союза». Испытания состояли из пяти элементов: бег 100 м, прыжки в длину, толкание ядра, стрельба из малокалиберного оружия, бег 1 500 м. В 1931 г. именно на основе стрелецкого отличия было разработано и введено общегосударственное «Польское спортивное отличие». При этом стрелецкие нормативы были более сложными, чем общегосударственные [9, с. 81].

Важными центрами спортивной жизни «Стрельца» являлись его спортивные клубы, которые обычно создавались в городах. Например, в 1931 г. власти официально зарегистрировали устав спортивного клуба «Стрелец» в Бресте. Задачей клуба объявлялось создание условий для работы активных спортсменов и обеспечение их участия в общегосударственной спортивной жизни. Этого планировалось достичь благодаря:

1) организации спортивной деятельности;

2) оказанию помощи комендантам Стрелецкого союза в проведении спортивной работы и создании спортивных кружков в отрядах «Стрельца»;

3) популяризации спорта среди широких масс

молодежи, прежде всего среди членов стрелеческой организации;

4) участию в общегосударственной спортивной жизни [11, с. 2].

Для выполнения своих задач клуб получал право иметь свои спортивные площадки, проводить гимнастические и спортивные занятия, организовывать соревнования и игры, создавать спортивные кружки, вести пропаганду спорта, участвовать в общегосударственных спортивных союзах [11, с. 2-3].

Руководящими органами клуба считались общее собрание и правление во главе с председателем. Финансовый контроль осуществляла ревизионная комиссия [11, с. 7]. Для руководства отдельными видами спортивной деятельности могли создаваться специальные секции. Фонды клуба формировались за счет членских взносов (0,5 злотых ежемесячно от каждого члена), доходов от платных мероприятий, добровольных пожертвований, дотаций [11, с. 13-14]. Но на практике основу финансирования составляла помощь от государственных структур, в первую очередь от Государственного управления физической культуры и военной подготовки, а также от его воеводских, повтовых и городских структур – соответствующих комитетов. Определенную помощь развитию спорта в Стрелеческом союзе также оказывала польская армия.

В Западной Беларуси наиболее активно спортивные клубы Стрелеческого союза создавались на территории подокруга «Брест». В середине 1930-х гг. тут существовало 8 повтовых спортивных клубов «Стрелец» [12, с. 63]. Если проанализировать другие подокруга, то на сегодняшний день известно только про существование спортивных клубов в Лиде и Вильно [13, с. 317]. Тем не менее отсутствие клубов не мешало спортивной деятельности «Стрельца», которая развивалась за счет создания разного рода спортивных кружков, существовавших непосредственно при отдельных отрядах стрелеческой организации.

Члены этих кружков уже с первой половины 1920-х гг. активно участвовали в разных спортивных соревнованиях местного, регионального и даже общегосударственного уровня. Так, 27-28 сентября 1923 г. в Бресте прошли окружные соревнования, организованные командованием военного округа № 9. В них приняли участие 149 человек из Бреста, Седлец, Лукова, Слонима, Бяла-Подляски и Баранович. Наиболее массово был представлен именно Стрелеческий союз: 13 его отрядов выставили 114 человек. Также в соревнованиях участвовали представители Гимнастического товарищества «Сокол», Союза сельской молодежи и Спортивного товарищества из Слонима. В программу соревнований входили военно-спортивное пятиборье, стрельба, легкая атлетика и футбол. По результатам соревнований, лидером стала команда «Стрельца» из

Лукова, которая взяла 5 первых, 6 вторых и 3 третьих места в отдельных видах. Вторыми были стрельцы из Бреста – 3 первых, 3 вторых и 4 третьих места. Третьими стали седлецкие стрельцы – 1 первое и 3 вторые места. При этом официальный отчет отмечал, что достижения лучших атлетов брестских соревнований отстают даже от средних хороших показателей по всей стране. Такой результат объяснялся тяжелыми условиями, в которых работают организации: недостатком площадок, спортивного оборудования и профессиональных руководителей в небольших местечках и деревнях, отсутствием понимания со стороны общества и местных властей [14, с. 19-21].

Ситуация с отношением общества и местных властей начала явно меняться после 1926 г. Это отразилось на результатах спортивной деятельности стрелеческих организаций Западной Беларуси. Так, уже в 1928 г. немногочисленная виленская команда «Стрельца» заняла первое место на общепольских соревнованиях союза по стрельбе в Варшаве [15, с. 3].

Одновременно во второй половине 1920-х гг. все большую популярность среди стрелеческих спортсменов стал приобретать маршевый спорт. Первым значительным маршевым соревнованием стал «Марш путем Кадровой роты». Впервые он был организован Стрелеческим союзом в 1924 г. в десятую годовщину выступления 1-й кадровой роты Легионов Ю. Пилсудского 6 августа 1914 г. Потом этот марш проходил ежегодно по маршруту Краков – Кельце (120 км) на протяжении трех дней, с 6 по 8 августа. Этим мероприятием «Стрелец» выказывал уважение «историческому подвигу Строителя Польши и своего самого высокого покровителя маршала Юзефа Пилсудского» [16, с. 5]. Стрелеческие команды из Западной Беларуси впервые приняли участие в «Марше путем Кадровой роты» в 1926 г. – вместе с 66 другими стрелеческими командами в соревновании участвовали команды из Гродно и Вильно. Правда, следует отметить, что виленская команда не смогла пройти маршрут в полном составе и ее дисквалифицировали. В дальнейшем участие западно-белорусских стрельцов в марше стало регулярным [17, с. 9; 18, с. 193].

Похожие марши начали проводиться и на территории самой Западной Беларуси. В 1927 г. тут прошли «Майский марш» по маршруту Белосток – Гродно (82 км) и марш «Святаянским путем» Барановичи – Новогрудок (58 км). В 1928 г. впервые провели «Марш над Бугом» по маршруту Бяла – Брест (44 км) и «Марш путем Батория» Константинов – Вильно (86 км). Последний из них был организован Виленским воеводским комитетом физического воспитания и военной подготовки, организатором всех остальных являлся Стрелеческий союз [16, с. 5].

Маршевые соревнования являлись важными событиями в местной спортивной жизни. В качестве примера можно привести «Святаянский путь»,

целью которого было почтить память 1-й кадровой роты и проверить физическую готовность армии и организаций ВП [19, с. 3]. Первый марш прошел 5-6 августа 1927 г. Всего в нем приняли участие 13 команд: стрелецкие дружины из Новогрудка, Слонима, Столович (деревня Барановичского повета), Новоельни, Баранович, Лиды, Мира, Дятлово, армейские команды 78-го и 79-го пехотных полков, 20-го полка полевой артиллерии, команда батальона Корпуса охраны пограничья «Столбцы» и дружина Пожарной стражи из Новогрудка [20, с. 6]. В официальном отчете отмечалось, что многие отряды «Стрельца» не смогли принять участия в марше, поскольку их члены занимались сельскохозяйственными работами в поле. Победителем первого «Свитязянского пути» стала команда 78-го пехотного полка, второе место заняли стрельцы из Новогрудка, третье – 79-й пехотный полк [21, с. 8-9].

Второй «Свитязянский путь» состоялся 21-2 июля 1928 г. На этот раз в нем приняли участие 23 команды: 11 стрелецких (в том числе 4 женские), 7 армейских, 4 Пожарной стражи и 1 полицейская. Как показали результаты соревнований, уровень физической подготовки в польской армии был выше, чем в Стрелецком союзе. Первое место завоевала команда 42-го пехотного полка из Белостока. 78-й пехотный полк из Барановичей и 77-й пехотный полк из Лиды заняли второе и третье место соответственно [22, с. 28-30].

Третий «Свитязянский путь» прошел 13-14 сентября 1930 г. В нем приняли участие 19 команд. Учитывая предыдущий опыт, их разделили на три отдельные категории: армейские команды, стрелецкие и команды других организаций. Каждая категория соревновалась отдельно. Лидером среди дружин Стрелецкого союза стала команда из Бялы-Подляской [23, с. 2]. Третий «Свитязянский путь» стал последним. По финансовым причинам, связанным с последствиями экономического кризиса, мероприятие перестало проводиться.

Экономический кризис, усугубивший и без того тяжелое материальное положение Западной Беларуси, негативно сказался на развитии спортивной жизни. Тем не менее Стрелецкий союз продолжал свою деятельность в спортивной сфере, в основном за счет развития своих спортивных кружков. Наиболее активно на этом направлении «Стрелец» действовал на Полесье. По официальным данным, в середине 1930-х гг. в местных подразделениях союза действовало 1 769 спортивных кружков. Ежегодно на различных инструкторских спортивных курсах обучалось около 200 стрельцов. В 1933/34 учебном году «Польское спортивное отличие» получили 2 489 местных стрельцов, а в 1935/36 учебном году – 3 247 [12, с. 63]. Показательно, что в начале 1930-х гг. Брест даже занял второе место по количеству этих отличий среди польских городов (относительно числа

жителей) [13, с. 136].

Во второй половине 1930-х гг. в официальных отчетах отмечалось «хорошо понимаемое управление массовым спортом» полесских стрельцов, что определенным образом компенсировало отсутствие каких-либо выдающихся спортивных рекордов. Так, в 1937 г. Стрелецкий союз провел на Полесье 61 лыжный поход, 53 велосипедных рейда, 263 туристических походов и 27 водных (гребных, парусных, байдарочных) походов. Кроме того, была проведена велосипедная эстафета от советской границы (Микашевичи) по поватам: Лунинецкому, Пинскому, Дрогичинскому, Кобринскому, Косовскому, Пружанскому, Бельск-Подляскому, Седлецкому, Луковскому, Радзынско-Подляскому, Бяло-Подляскому, Влодавскому, Брестскому (общая протяженность 860 км). В этом мероприятии, которое носило спортивно-туристический и пропагандистский характер, приняли участие 20 команд, а также 390 индивидуальных участников, стрельцов и представителей других организаций. На местном уровне был проведен ряд командных соревнований по отдельным видам спорта: 58 по баскетболу, 605 по волейболу, 17 по боксу, 66 по футболу, 178 по легкой атлетике, 14 по хоккею с шайбой, 13 по велоспорту, 205 по настольному теннису, 10 по водным видам спорта (гребля, байдарка, парусный спорт), а также 25 маршей [24, с. 15].

Спортивные достижения стрельцов в других округах и подокругах на территории Западной Беларуси были скромнее. Стрелецкая пресса признавала, что, за исключением Виленского спортивного клуба Стрелецкого союза, спортивная деятельность организации не выходила за местные границы, хотя, учитывая непростые местные условия, в этой сфере делается немало [25, с. 13]. Виленский спортивный клуб «Стрельца», секции которого входили в состав национальных спортивных федераций Польши, занял высокие места в классификации, проводимой Главной комендатурой организации [26, с. 108]. С 1935 г. на Виленщине регулярно проводился лыжный марш Зулов – Вильно, который со временем приобрел масштаб национального спортивного мероприятия. Активное участие в его организации и проведении принимали и местные стрелецкие структуры [27, с. 324]. Новогрудчина была слабо развитым в спортивном отношении регионом Западной Беларуси [27, с. 327]. Об этом свидетельствовала и статистика Стрелецкого союза. Например, в 1936 г. местные стрелецкие структуры провели 24 легкоатлетические соревнования. Кроме того, были проведены соревнования по академической гребле, 440 юношей и девушек приняли участие в соревнованиях по баскетболу. При этом руководство «Стрельца» ссылалось на коммуникационные трудности и удаленность от основных органов управления, что

мешало нормальному развитию, в том числе спортивной работы [28, с. 94].

Таким образом, в 1920-х – 1930-х гг. в ходе реализации официальной молодежной политики Стрелецким союзом «Стрелец» вел значительную спортивную деятельность среди молодежи Западной Беларуси. Согласно уставным документам «Стрельца», эта деятельность считалась одним из основных направлений работы этого объединения. Она активизировалась после 1926 г. и в основном осуществлялась как часть военной подготовки молодого поколения. Определенную работу вели также стрелецкие спортивные клубы и кружки при местных отрядах «Стрельца». Стрелецкие структуры Западной Беларуси принимали участие в организации и проведении различных спортивных мероприятий как регионального, так и общегосударственного масштаба. Наибольшую активность в спортивной сфере Стрелецкий союз проявлял в Полесском воеводстве и в Вильно. Тем не менее следует отметить, что последствия экономического кризиса и в целом тяжелое финансовое положение западно-белорусских воеводств стали серьезным препятствием для развития спортивной деятельности «Стрельца» в регионе. За весь межвоенный период она так и не приобрела по-настоящему массового характера и не охватила широких кругов западно-белорусской молодежи.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ. Оп. 1. Д. 483.
2. НАРБ. – Ф. 242 п. Представительство ЦК КПЗБ. Оп. 1. Д. 465.
3. Bogalecki T. Związek Strzelecki wobec słowiańskich mniejszości narodowych w II Rzeczypospolitej // Przegląd Historyczny. 1995. № 3-4. S. 351-359.
4. Statut i regulaminy Związku Strzeleckiego. Warszawa: Wydawnictwo Centralnego Instytutu Wydawniczego Związku Strzeleckiego, 1933. 178 s.
5. Jabłonowski M. Wychowanie fizyczne i przysposobienie wojskowe w opiniach Józefa Piłsudskiego 1926 – 1935 (wybrane zagadnienia) // Echa Przeszłości. 2005. T. VI. S. 107-118.
6. Dziemianko Z. Przysposobienie wojskowe Związku Strzeleckiego w latach 1919 – 1939 // Przegląd Naukowo-Metodyczny. Edukacja dla Bezpieczeństwa. 2009. № 2. S. 57-63.
7. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 67 сч. Командование округа корпусов № 9. Оп. 2. Д. 197.
8. Tymczasowy program przysposobienia wojskowego w szkołach średnich, zawodowych i seminarjach nauczycielskich // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. 1923. № 1. S. 7-9.
9. Kurleto M. Wychowanie fizyczne w Związku Strzeleckim // Strzelec. 1933. № 53. S. 80-82.
10. ГАБО. – Ф. 59 оц. Попечительство Брестского школьного округа. Оп. 2 оц. Д. 1052.
11. Statut Brzeskiego klubu sportowego «Strzelec». Brześć: Drukarnia Literacka, 1931. 16 s.
12. Cichowicz C. Jak pracuje Okręg Brześć nad Bugiem // Strzelec. 1936. № 50-52. S. 62-64.
13. Małolepszy E. Kultura fizyczna i turystyka w województwie poleskim w latach 1921 – 1939. Zarys problematyki // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2014. № 41. S. 126-142.
14. Kawalec T. Okręgowe zawody sportowo-strzeleckie organizacji P.W. w Brześciu n/B. // Strzelec. 1924. № 19-20. S. 19-22.
15. Ze związku Strzeleckiego // Kurjer Wileński. 1928. 13 października. S. 3.
16. Wiśniewski K. O sporcie pieszym // Stadjon. 1929. № 24. S. 5.
17. Czaki T. Trzeci Marsz Szlakiem Kadrówki // Strzelec. 1926. № 31-33. S. 4-19.
18. V-ty Marsz Szlakiem Kadrówki 6. VIII. 1928. Warszawa: Drukarnia Państwowa, 1928. 244 s.
19. Regulamin Marszu Strzeleckiego «Szlakiem Świteziańskim» Baranowicze – Nowogródek. Nowogródek: Drukarnia Wydziału Pow. w Nowogródku, 1930. 16 s.
20. Kronika // Życie Nowogródzkie. 1927. № 13. 6 sierpnia. S. 6.
21. Przebieg Marszu Szlakiem Świteziańskim // Życie Nowogródzkie. 1927. № 14. S. 7-9.
22. Drugi Marsz Szlakiem Świteziańskim // Strzelec. 1928. № 31-32. S. 28-30.
23. III Marsz Szlakiem Świteziańskim // Życie Nowogródzkie. 1930. 14 września. S. 2.
24. Kurleto M. Z życia sportowego okręgów Związku Strzeleckiego w r. 1937 // Strzelec. 1938. № 2. S. 15-16.
25. Kurleto M. Z życia sportowego okręgów Związku Strzeleckiego w r. 1937 // Strzelec. 1938. № 3. S. 12-13.
26. Strzelcy na ziemi Komendanta // Strzelec. 1936. № 50-52. S. 105-109.
27. Małolepszy E. Przyczynek do dziejów sportu ludności polskiej województw północno-wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej // Przegląd Polsko-Polonijny. 2012. № 3. S. 313-328.
28. Gajl-Kot A. Na pograniczu Rzeczypospolitej // Strzelec. 1936. № 50-52. S. 93-95.

УДК 37.04-42

ПРИБОЩЕНИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ К НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДСТВАМИ ТРАДИЦИОННЫХ НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ

Лупандина Е.А.

В статье освещена проблема приобщения детей старшего дошкольного возраста к народной культуре. Народная художественная культура определяется как совокупность художественных ценностей того или иного народа, а также форм и способов их создания, сохранения, распространения, бытования в народной среде. Отмечается актуальность приобщения современных детей к традиционным народным промыслам. Акцентируется внимание на этнический состав и специфику национальных культур детского коллектива дошкольной образовательной организации. Выделены методы ознакомления дошкольников с народными промыслами.

Ключевые слова: Народная культура, народное искусство, традиции, народные промыслы, дошкольник.

The article highlights the problem of introducing older preschool children to folk culture. Folk art culture is defined as a set of artistic values of a particular people, as well as forms and methods of their creation, preservation, dissemination, and existence in the folk environment. The relevance of introducing modern children to traditional folk crafts is noted. Attention is focused on the ethnic composition and specifics of national cultures of the children's collective of a preschool educational organization. The methods of familiarizing preschoolers with folk crafts are highlighted.

Keywords: Folk culture, folk art, traditions, folk crafts, preschooler.

В системе культуросообразности воспитательной деятельности взрослого по отношению к ребенку одно из первых мест занимает народная культура. Именно в народной культуре закладывается вся система взаимодействия человека с окружающим миром.

Народная художественная культура представляет собой совокупность художественных ценностей того или иного народа, а также форм и способов их создания, сохранения, распространения, бытования в народной среде. В ней мы находим корни развития искусства, особенности развития познавательных процессов, которые приобрели форму научного познания и т.д. Поэтому приобщение ребенка как культуросообразного процесса к народной культуре является весьма важным аспектом в современном мире.

О роли народной культуры в воспитании детей писал К.Д. Ушинский. По его мнению, народная культура в силу своих особенностей, выражающихся в эмоционально-образном отражении окружающего мира, оказывает значительное воздействие на дошкольника, мыслящего ощущениями, формами, красками и звуками. Поэтому детям близки народные виды народной культуры, проявляющейся в рисовании, устном фольклоре, танцах, музыке. К.Д. Ушинский считал народность источником деятельности и развития, соединяющей поколения и дающей народу историческое существование [12, с. 58].

В.А. Сухомлинский говорил о народной культуре как о средстве нравственного воспитания, формирующем мировоззрение и развивающем

фантазию детей [11]. Н.П. Сакулина и Е.А. Флерина использовали ее как источник для создания художественных образов в изобразительной деятельности, направленный на активизацию творческого процесса. Народному искусству на своих занятиях педагоги отводили значительное место [10; 13].

Народное искусство – это исторически сложившаяся область художественной культуры того или иного народа, связанная изначально с его трудовой деятельностью, представляющая его духовную и материальную культуру.

Многие отечественные педагоги писали в своих трудах о необходимости использования народного искусства в воспитании подрастающего поколения. По мнению Н.П. Сакулиной, «народное искусство пробуждает первые образные представления о Родине и ее культуре» [10]. М.А. Некрасова в своих трудах писала о влиянии народного искусства на формирование культуры человека, определив его как особый тип художественного творчества. Она справедливо отмечала, что «народное искусство как предмет науки до сих пор не имеет четкого определения ни в границах, ни в специфике и особенностях, отличающих его от искусства индивидуального творчества профессиональных художников» [8]. В народном искусстве с изумительной диалектичностью органически соединяется традиционность и творческая новизна.

Комарова Т.С., отечественный создатель целостной системы художественно-эстетического воспитания в детском саду, писала, что «народное искусство, как проявление творчества народа, близко

по своей природе творчеству ребенка (простота, завершенность формы, обобщенность образа), именно поэтому оно близко восприятию ребенка, понятно ему» [4].

По мнению польского исследователя А. Харатик, народное искусство является выражением художественной деятельности сельских общин. Она включает в себя изобразительное искусство, музыку, устные традиции и ритуалы. Вышеупомянутые области неразрывно связаны друг с другом, а также с жизнью деревень и их жителей, и все они вместе составляют народное искусство. Народное искусство – это элемент сельской жизни, зависящий от верований, системы ценностей, социальных отношений и природной среды, которая возникает из чувства ритма, гармонии и симметрии, присутствующих людям [17].

Педагог из Китая Лу Юаньюань утверждает, что народное искусство – это конкретная форма традиционной культуры и живое ископаемое для изучения первобытной культуры страны [18]. Это народная культура и искусство, созданные людьми в повседневной жизни. Это вид искусства со своими национальными и региональными особенностями. Содержание живое, интересное и полное ностальгии. Она обладает такими характеристиками, как интерес, увлеченность и образованность, и любима детьми. Есть много общего между созданием произведений народного искусства и созданием детских работ. Они хорошо объясняют все с помощью преувеличенных, абстрактных, детских линий, роскошных цветов, уникальных, новых и креативных идей. Поэтому выбор соответствующих ресурсов народного творчества в качестве содержания детского творческого художественного образования имеет большое образовательное значение.

Осваивая элементы народного искусства, дети развивают мелкую моторику рук, осваивают цвета, поскольку для народного искусства цветовой строй имеет огромное значение [10]. Психологические принципы цветовосприятия нашли непосредственное отражение в народном орнаменте: красный цвет – это яркий и сочный цвет, цвет любви, цвет радости, жизнеутверждения; зеленый цвет – цвет спокойствия, мудрости, удачи, здоровья и обновления; синий цвет символизирует постоянство, настойчивость, преданность, самоотверженность, строгость.

За широкое применение произведений народного искусства в работе с детьми дошкольного возраста выступала отечественный педагог Е.А. Флерина [13].

Традиционность общепризнана как одна из специфических особенностей народного искусства. Известно, чем раньше мы начинаем вводить детей в мир народной культуры, тем более высоких конечных результатов добиваемся. Приобщение подрастающего поколения к первоисточкам народной культуры

позволяет формировать у дошкольников патриотические чувства, развивать духовность. Такой смысл мы находим в работах российских и зарубежных историков культуры: А.С. Ахизера, Т.И. Балакиной, Л.Г. Березовой, В.В. Качановского, И.В. Кондакова, Б.И. Краснобаева, Ю.М. Лотмана, Г.Я. Никитиной, А.М. Панченко, Л.А. Рапацкой, В.Г. Шульгина. Весьма продуктивными для нас оказались работы отечественных этнографов В.П. Алексеева, С.А. Арутюнова, А.О. Боронаева, Ю.В. Бромля, А.П. Садохина.

Для практики отечественного дошкольного образования традиционное обращение к народным истокам, традиционным народным промыслам, декоративно-прикладному искусству. Вопрос изучения народного искусства в образовательных организациях освещен в трудах А.В. Бакушинского, М.А. Некрасовой и др. [1; 8].

Представления о народном искусстве формируются на основе восприятия детей. Формирование представлений о народном искусстве и творческая деятельность детей способствуют развитию образных представлений и художественно-образного мышления. Изучение культурных традиций в старшем дошкольном возрасте непосредственно ассоциируется с изучением народных промыслов, которые являются неотъемлемой частью культуры нашей страны и региона в том числе.

При ознакомлении с народными промыслами необходимо учитывать возрастные особенности детей старшего дошкольного возраста. Для данной возрастной категории характерен: бурный рост самосознания личности дошкольника; совершенствование восприятия, формирование наглядно-образного мышления, произвольной памяти, управляемость воображения, которые способствуют стремлению дошкольника более последовательно и планомерно доисследовать и описать предмет. Дети становятся способными к обобщениям, основанным на опыте их практической деятельности и закрепляющимся в словесном выражении [7]. Данные новообразования способствуют формированию представлений детей старшего дошкольного возраста о народных традиционных промыслах на материале народного искусства, используемого в рамках занятий по изобразительной деятельности в дошкольной образовательной организации. Еще Л.С. Выготский отмечал, что «творческая деятельность находится в прямой зависимости от богатства разнообразия прежнего опыта, чем богаче опыт человека, тем больше материал которым располагает его воображение» [2]. В дошкольном детстве изучение народных художественных промыслов строится как процесс ознакомления с историей возникновения промысла и его изделий, характерными особенностями, особенностями декорирования, особенностями

изготовления, технологическим процессом и т.д.

Проблема приобщения детей дошкольного возраста к народной культуре, формирование представлений о народных художественных промыслах у дошкольников актуальна сегодня как для многонациональной России в целом, так и для Оренбургского региона в частности. Как известно, Оренбуржье представляет собой уникальный регион, в котором сосуществуют такие мировые религии, как христианство, ислам, иудаизм, индуизм, бахаизм, буддизм [9]. Решение вышеназванной проблемы способствует сохранению культурной идентичности народов, населяющих регион, формированию интереса и уважения подрастающего поколения к традициям и культуре проживающих территориально рядом народов.

Традиционные народные промыслы, благодаря величайшей внедрённости в жизнь, устойчивости мотивов и композиций, являются особенно значимым показателем развития и своеобразия национального искусства, знакомясь с которым дошкольники познают важные культурные традиции коллективного творчества [3].

Оренбургские исследователи Т.Г. Русакова и Т.А. Бреусова поднимают вопрос отражения этнонациональной специфики поликультурного региона. Авторы пишут о том, что в Оренбуржье, «не ассимилируя и не конфликтуя, проживают представители более 120 этнических групп» [9]. Многонациональность состава населения Оренбургского региона определяется ее близостью с Башкирией и Казахстаном. Именно факт нахождения на границе Европы и Азии, многонациональный состав населения Оренбургской области и, города Оренбурга, в том числе, является одной из причин особенного отношения к народным традиционным промыслам, необходимости ориентации подрастающего поколения на ценности народной культуры. Народная культура и традиции Оренбургского края способствуют формированию у детей старшего дошкольного возраста первоосновы культурного самосознания и ценностного отношения к культуре других народов, проживающих рядом.

Современные аспекты становления эстетического отношения дошкольников средствами народного искусства освещены в трудах Е.Г. Матвиевской, А.А. Муратовой, О.Г. Тавстухи [6]. Педагогами Н.А. Воробьевой, Е.А. Лупандиной проведен анализ современных публикаций и исследований, который свидетельствует о растущем интересе к культурно-историческому наследию [3; 5]. Авторами представлена характеристика представлений старших дошкольников, проживающих в условиях Оренбургского региона, о традиционных народных российских промыслах (русская матрешка, гжель, дымковская игрушка и городецкая роспись), выделены региональные особенности формирования представлений детей

дошкольного возраста. Исследователи утверждают, что через приобщение к народным традиционным промыслам России дошкольник сможет усвоить факт различий между людьми различных этнических групп не только по физическому проявлению, но и по внутреннему мироощущению. Ребята узбекской, татарской, башкирской или казахской национальностей начинают осознавать естественность того факта, что они и представители славянской или других национальностей видят окружающий их мир, ощущают его по-разному, мыслят иначе. При этом у них имеются также общие взгляды, на основе которых строится общий государственный фундамент России, являющийся единым пространством, объединяющим представителей различных народностей с существующими общими взглядами на определенные вещи. В связи с этим в образовательной деятельности с детьми старшего дошкольного возраста чрезвычайно важно учитывать этнический состав и специфику национальных культур детского коллектива дошкольной образовательной организации.

Одним из важнейших условий приобщения детей старшего дошкольного возраста к народному искусству и формирования представлений о народных традиционных промыслах является использование специальных методов обучения. В процессе их использования у ребят проявляются новые оригинальные способы изображения, активизируется поиск соответствующих выразительно-художественных средств для воплощения творческого замысла. К ним целесообразно отнести методы, рекомендованные Р.М. Чумичёвой при знакомстве дошкольников с произведениями традиционных народных промыслов [14]. Рассмотрим некоторые из них.

Метод вызывания адекватных эмоций помогает установить ассоциативную связь с уже имеющимся личным опытом, дает возможность средствами произведений традиционных народных промыслов восстановить увиденное и пережитое ранее. Назначение метода в том, чтобы вызвать у дошкольников адекватные состоянию увиденных произведений чувства и эмоции, изменить их настроение. Например, при рассматривании дымковских игрушек нужно задать детям следующие вопросы: «Дети, какое настроение у этих барышень?», «А было ли такое настроение у вас?»

Весьма эффективен тактильно-чувственный метод, который оказывает особо сильное влияние на эмоциональное состояние детей. Ребята проявляют желание рассмотреть работы народных умельцев, высказаться о них и создать творческий продукт самостоятельно. Специфика данного метода в том, что в процессе восприятия произведений народного искусства ребята прикасаются к материалу, из которых они изготовлены (например, глина, дерево,

металл). Это позволяет активизировать чувства дошкольников при непосредственном тактильном соприкосновении с материалом, почувствовать его энергетику [14].

С помощью метода «оживления» детских эмоций средствами литературных и песенных образов «оживляется» эмоциональная память дошкольников. Этот метод способствует активизации ранее пережитых эмоций при восприятии произведений традиционных народных промыслов. После прослушивания народной мелодии детям предлагается исполнить песню.

При использовании метода музыкального сопровождения используется музыкальный ряд, характер которого созвучен рассматриваемому произведению народного искусства, происходит одновременное воздействие на зрительный и слуховой анализаторы.

Важно отметить необходимость приобщения к народному искусству в интересной современной форме средствами медиаресурсов, разнообразие которых позволяет перенести детей в мир прошлого. Использование медиаресурсов допускает разрешение проблемы представления детям подлинных предметов народного искусства. Это будет оправдано, например, в случае необходимости продемонстрировать длительный процесс изготовления предметов или сложные приемы обработки художественных материалов.

Освоение народного искусства непосредственно связано с художественно-творческой деятельностью дошкольника, в процессе которой он овладевает способами и приемами народного творчества на основе индивидуального и коллективного образов, мотивов и сюжетов с учетом ведущих принципов: повтора, вариации и импровизации [14].

В своей работе ребенок, применяя варианты собственной художественной трактовки, учится придумывать и составлять новые композиции на основе знакомых декоративных элементов узора, на основе соблюдения определенного ритма, симметрии, соразмерности элементов. Творческая импровизация выделяется как наиболее сложная творческая задача, основу которой составляют усвоенные навыки и умения, позволяющие дошкольнику с помощью ритма, цвета, ритмических единиц импровизировать по мотивам народного творчества, выходя за пределы народных традиций.

Придумывая и применяя различные обучающие приемы, важно знать их особенности, принципиальное отличие от других методов и приемов обучения; учитывая знания детей об окружающем мире, их интерес к различным явлениям жизни; игровой опыт детей; задачи изобразительной деятельности, и, следовательно, конкретные задачи использования игровых приемов на занятии по изучению народных промыслов [14]. Различные

игровые приемы в оптимальном сочетании с другими методами и приемами обучения оказывают благотворное влияние на развитие личности старшего дошкольника, его творческого потенциала, повышают у детей интерес к традиционным народным промыслам.

Так, Г. Бучковская утверждает, что на каждом этапе творческого процесса народное искусство обладает возможностями познания интеллектуальной стороны духовно-материальной жизни и проявления эмоциональной активности при реализации творческого потенциала. Народное искусство функционирует как целостная система, образно моделирующая внешний мир и каждого, используя специфические возможности языка декорирования и орнамента [15].

Харатик А. также пишет о том, что современное образование гарантирует сохранение наследия народной культуры. Разнообразие форм образования дает возможность каждому приобщиться к народному творчеству, независимо от возраста и образования. Помимо участия в фестивалях и торжествах с традиционными представлениями, характерными для конкретного этнографического региона, отличным местом обучения могут быть встречи с народными художниками в их ремесленных мастерских или на ярмарках народного творчества, где художники не только продают свои работы, но и делятся своими знаниями о них и их традициях. Популяризация знаний о народном искусстве осуществляется посредством региональных семинаров, где можно получить образование не только с практической стороны, общаясь с народными художниками, но и с теоретической стороны, благодаря лекциям, связанных с проблемами народного искусства [17].

Нельзя не отметить и роль семьи в вопросе приобщения к народным традициям. Как пишет М. Чалич и М. Джурджанович, важно, чтобы семья закладывала прочные основы для сохранения традиций и культуры своей нации, что могло бы помочь развить чувствительность к культурным ценностям и познакомить детей не только с их народными культурными традициями, но и с культурными традициями других наций. Именно семья может помочь сообществам, которые претерпели значительные культурные изменения в эпоху глобализации, укрепить свои национальные ценности и сохранить свои культурные традиции [16].

Таким образом, народное искусство близко ребенку дошкольного возраста в силу таких его качеств как: простота, завершенность формы, обобщенность образа; ансамблевая целостность; художественная самобытность. Изучение традиционных промыслов, произведений народного искусства близко ребенку старшего дошкольного возраста в силу его открытости миру, особенностям

мифологического сознания, готовности считывать и самостоятельно создавать символические знаки. Поэтому проблема приобщения детей старшего дошкольного возраста к народной культуре, формирование представлений о традиционных народных промыслах является одной из актуальных проблем современного общества. Для ознакомления с народным искусством важно дать возможность ребенку самостоятельно рассмотреть, изучить, понять логику этого явления, не навязывая стереотипы, пробуждая интерес к традиционным народным промыслам.

Список литературы

1. Бакушинский А.В. Художественное и творческое воспитание. Опыт исследования на материале пространственных искусств. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iknigi.net/avtor-anatoliy-bakushinskiy/99831-hudozhestvennoe-tvorchestvo-i-voospitanie-anatoliy-bakushinskiy.html> (дата обращения: 28.11.2022).
2. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. 153 с.
3. Воробьева Н.А. Диагностика представлений детей старшего дошкольного возраста о традиционных народных промыслах: материалы результатов исследования в поликультурном регионе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета/ Серия: Педагогика, психология. 2018. № 3 (34). С. 20-27.
4. Комарова, Т.С. Народное искусство в воспитании дошкольников. М: Педагогическое общество России. 2005. 90 с.
5. Лупандина Е.А. Роль культурных практик в процессе формирования духовно-нравственной культуры личности // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск). № 2 (16). 2019. С.37-40.
6. Матвиевская Е.Г. Становление эстетического отношения дошкольника к окружающему миру. Оренбург: ООО «Агентство «Пресса», 2021. 140 с.
7. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М.: Академия, 2012. 456 с.
8. Некрасова М.А. Народное искусство как часть культуры: теория и практика. М.: Изобразительное искусство, 1983. 343 с.
9. Русакова Т.Г. Эстетическая развивающая среда образовательного учреждения поликультурного региона: компоненты, функции, критерии, оценки // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 9. С. 125-129.
10. Сакулина Н.П. Рисование в дошкольном детстве. М.: Просвещение, 2005.
11. Сухомлинский В. А. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1979. 14 с.
12. Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения. М.: Просвещение, 1968. 557 с.
13. Флерина Е.А. Изобразительное творчество детей дошкольного возраста. М.: Учпедгиз, 2006. 159 с.
14. Чумичева Р.М. Особенности ознакомления старших дошкольников с жанровой живописью / Формирование первоначальных основ социальной активности у детей дошкольного возраста / Под ред. Р.Г. Казаковой. М.: МГПИ, 1984. С.137-145.
15. Buchkivskay, G. Potential of the Centres of Traditional Folk Handicrafts of Podillia Region in Artistic-Labor Training of the Future Primary School Teacher [Electronic resource] // Science and Education a New Dimension. Pedagogy and Psychology. 2018. 0 (155). P. 11-14. DOI: 10.31174/SEND-PP2018-155VI65-02. URL: <https://www.europub.co.uk/articles/-A-494457>.
16. Ćalić Maja, Đurđanović Miomira. Family and its role in the cultivation and preservation of traditional folk music at junior primary school age [Electronic resource] // International Journal of Cognitive Research in Science Engineering and Education. 2020. № 8(3). P. 103-112. DOI: 10.23947/2334-8496-2020-8-3-103-112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/family-and-its-role-in-the-cultivation-and-preservation-of-traditional-folk-music-at-junior-primary-school-age>.
17. Haratyk, Anna; Czerwińska-Górz, Bożena. Folk Art and Culture in the Historical and Educational Context // Czech-Polish Historical & Pedagogical Journal. 2017. 9(2). P. 31-45. doi.org: 10.5817/cphpj-2017-0011. URL: <https://journals.muni.cz/cphjournal/article/view/15096>.
18. Yuanyuan, Lu. The Integration of Traditional Art in Children's Art Works [Electronic resource] // 2020 2nd International Conference on Humanities, Cultures, Arts and Design (ICHCAD 2020). Sydney, 2020. P. 643-647. DOI: 10.25236/ICHCAD.2020.133. URL: https://www.webofproceedings.org/proceedings_series/ART2L/ICHCAD%2020/ZS8-W-514.pdf.

УДК 159.922.1

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Новгородова Ю.Э., Мартынова Н.В.

Статья посвящена исследованию гендерных аспектов агрессивного поведения молодежи. В своей статье авторы последовательно рассматривают этапы формирования агрессии у человека. Авторы делают выводы о различиях в проявлениях агрессии у мужчин и женщин. Поднимаемые в статье вопросы требуют дальнейших эмпирических исследований в области психологии и педагогики.

Ключевые слова: Агрессия, агрессивность, гендерная агрессия, молодежь.

The article is devoted to the study of gender aspects of aggressive behavior of young people. In their article, the authors consistently consider the stages of the formation of aggression in humans. The authors draw conclusions about the differences in the manifestations of aggression in men and women. The issues raised in the article require further empirical research in the field of psychology and education.

Keywords: Aggression, aggressiveness, gender aggression, youth.

В последнее время проблема агрессии является одной из самых острых в мире. Значительный рост численности агрессивных молодых людей, склонных к проявлению актов жестокости и насилия, свидетельствует о том, что этот вопрос является актуальным для общества в целом.

Теории и концепции гендерной психологии на современном этапе представлены работами в области теории гендерных различий (Х. Айзенк, С. Бэм, В.А. Геодакян, И.В. Грошев, Ю.А. Давыдова, Э. Игли, Д. Спенс, М. Цукерман и др.), теории гендерной социализации (С. Бэм, Д. Гамильтон, Дж. Крокер, С. Тейлор и др.), психологии женщины (К. Гиллиган, Н. Ходоров и др.), психологии мужчины (Э. Маккоби и др.), психологии гендерных отношений, а также в области гендерной психологии лидерства (Б. Басе, Т.В. Бендас, Дж. Боумэн, Г. Граен, Б. Гутек, Р. Лайден, М. Локхид, Т. Митчелл, Р. Хауз и др.).

Понятия «агрессия» и «агрессивность» не синонимичны. Под агрессивностью мы будем понимать свойство личности, выражающееся в готовности к агрессии. Другими словами, агрессия - определенные действия, причиняющие ущерб другому объекту. Агрессивность - готовность к агрессивным действиям в отношении другого, которую обеспечивает (подготавливает) готовность личности воспринимать и интерпретировать поведение другого соответствующим образом

Различие понятий «агрессия» и «агрессивность» ведет к важным следствиям. Не за всякими агрессивными действиями субъекта действительно стоит агрессивность личности. И

агрессивность человека вовсе не всегда проявляется в явно агрессивных действиях [4].

В настоящее время большинство специалистов придерживаются следующего определения агрессии: агрессия - это любая форма поведения, нацеленная на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения [2]. Следует обратить внимание, что агрессия рассматривается здесь как определенное поведение, а не как эмоция, мотив или установка. Негативные эмоции, мотивы и установки не всегда сопровождаются нападками на других. И наоборот, многие причиняют страдания людям, к которым относятся скорее положительно, чем отрицательно.

Агрессивное поведение - это, прежде всего, внешне выраженное действие, направленное против другого человека. Обычно такое поведение носит кратковременный (преходящий) характер и меняется в зависимости от особенностей ситуации или смены одной ситуации другой. Агрессивное поведение описывают в виде:

- а) действия как такового (наступление, атака, нападение);
- б) действия против определенного объекта, в т. ч. человека, становящегося жертвой агрессии;
- в) действия с учетом ситуации - ее специфики, способствующей агрессивной атаке или провоцирующей ее [2].

По мнению А. Басса, все многообразие агрессивных действий можно описать на основании трех шкал: физическая - вербальная, активная - пассивная, прямая - непрямая. Их комбинация дает восемь возможных категорий, под которые подпадает большинство агрессивных действий (таблица 1).

Таблица 1
Категории агрессии по А. Бассу.

Тип агрессии	Примеры
Физическая-активная-прямая	Нанесение человеку ударов, избивание или ранение при помощи огнестрельного или холодного оружия
Физическая-активная-непрямая	Закладка мин-ловушек, сговор с наемным убийцей с целью уничтожения врага
Физическая-пассивная-прямая	Стремление физически не позволить другому достичь желаемой цели
Физическая-пассивная-непрямая	Отказ от выполнения необходимых задач
Вербальная-активная-прямая	Словесное оскорбление или унижение другого человека
Вербальная-активная-непрямая	Распространение злостной клеветы
Вербальная-пассивная-прямая	Отказ разговаривать с другим человеком
Вербальная-пассивная-непрямая	Отказ давать словесные пояснения или объяснения

Сторонники теории К. Лоренца считают, что в основе агрессии лежат инстинкты. Человеку нужна разрядка. Когда человек не может разрядиться, у него накапливается агрессия до тех пор, пока не подвернется повод ее выплеснуть. Приверженец теории – Лоренц. Он считал, что помимо инстинктивной агрессии, у людей есть врожденные механизмы, которые сдерживают агрессию. Лоренц боялся, что развитие сдерживающих механизмов будет медленнее развития агрессивных инстинктов.

Для Лоренца агрессия, во-первых, не является реакцией на внешние раздражители, а представляет собой собственное внутреннее напряжение, которое требует разрядки и находит выражение, невзирая на то, есть для этого подходящий внешний раздражитель или нет [1].

Инстинкт агрессии изначально был сформирован как необходимый элемент выживания и носил видосохраняющую функцию. В том числе и у человека, носителя биосоциальной природы, механизм агрессии выполнял и продолжает выполнять функцию выживания.

Многие исследователи данной темы считают, что агрессия в любом направлении сама по себе является отклонением от «нормального» поведения. Гендерная агрессия, также может восприниматься другими людьми как отклонение от «нормы». Гендер – это социальный пол индивида, включающий в себя комплекс свойств, присущих мужественности и женственности.

Возрастные характеристики проявления данной агрессии начинаются ещё с подросткового возраста, так как в период полового созревания, весьма актуально и полное формирование гендерной идентичности. Однако следует отметить тот факт, что гендерная идентичность ребёнка формируется на ранних этапах жизни, приблизительно

в дошкольном возрасте около трёх лет.

Многие авторы, изучая предпочтения и интересы дошкольников разного пола, отмечают, что у девочек преобладают экспрессивная ориентировка, социальная активность, больший интерес к установлению межличностных отношений, а у мальчиков — деловая ориентировка, интерес к решению конструктивных задач; девочки предпочитают содержательные сюжетные игры, мальчики — подвижные игры. Авторы многих работ, выполненных во фрейдистском духе и посвященных изучению врожденных тенденций к агрессивному поведению и проявлению гнева, пытаются доказать, что у мальчиков эти тенденции проявляются в большей степени, чем у девочек. В целом ряде работ необихевиористского направления была обнаружена большая агрессивность мальчиков по сравнению с девочками, но авторы объясняли это разными для первых и вторых социально одобряемыми моделями поведения. С ними солидаризируются Е. Маккоби и К. Джеклин, которые на основе анализа ряда экспериментальных исследований заключают, что в первые годы жизни нет различий в частоте и продолжительности отрицательных эмоциональных реакций у мальчиков и девочек, но с возрастом их частота и интенсивность у мальчиков возрастают, а у девочек - убывают. Этот факт они пытаются объяснить тем, что девочки, имея те же агрессивные тенденции, что и мальчики, боятся их проявить из-за наказания, в то время как к агрессии мальчиков окружающие относятся более благосклонно [2].

В подростковом возрасте актуализируется физическая агрессия у мальчиков и косвенная у девочек. Данные виды деструктивного поведения весьма поддерживаются социумом, вследствие чего указанные формы действий развиваются ещё сильнее. Социальные нормы предполагают, что девочка должна быть спокойной и не показывать свои негативные чувства напрямую, в то время как мальчиков наоборот поддерживают в проявлении присущих им качеств. Подавление собственных эмоций и невозможность их выражения во взаимодействии с другими людьми, провоцируют у девочек подавление эмоций и направлением негативного опыта на себя.

Многие исследования показывают, что деструктивное поведение мальчиков имеет социальный характер. Чаще всего агрессию представителей мужского пола связывают с интересом к различным увлечениям и играм, в которых достаточно ярко проявляются элементы насилия, общение с асоциальными сверстниками и т. д. У девочек же, наоборот, демонстрация агрессии связана с биологическими факторами.

Исследование Т.В. Киселёвой показало, что деструктивное поведение у детей напрямую связано с досуговой деятельностью подростков. Например, у мальчиков, которые в свободное время занимались

музыкой и бальными танцами, показатели физической и косвенной агрессии становятся одинаковыми, в то время как у мальчиков, занимающихся футболом, борьбой или вовсе не посещающих дополнительные уроки, физическая агрессия превалирует над косвенной. Чаще всего проявление такого рода разрушительных реакций у подростков никуда не исчезают, наоборот, в течение длительного периода времени могут выражаться в различных сферах [3].

Во взрослом возрасте актуально и различие в показе эмоций у девушек и юношей. У лиц женского пола гораздо сильнее развито избирательное эмоциональное реагирование и контроль над своими эмоциями, однако, представители мужского пола более склонны продемонстрировать свою агрессию спонтанно. В ходе исследований было выявлено, что женщины в сравнении с мужчинами хорошо скрывают настоящие эмоции, особенно негативные [3].

К. Бьерквист объясняет данный феномен тем, женщины используют такое поведение вследствие того, что в плане физической силы уступают мужчинам [3]. Одной из сторон гендерной агрессии считается сфера речевого высказывания индивида. Так, П.Ю. Смирнов утверждает, что в ходе диалога с человеком женщина гораздо спокойнее воспринимает прерывание её речи собеседником. Мужчины же, в свою очередь, гораздо чаще перебивают женщину в ходе разговора. Также представители мужского пола гораздо более склонны к применению шуток на темы насилия, в то время как девушки прибегают к использованию нейтрального юмора. Исследования П.Ю. Смирнова позволили выявить, что: – конфликтные ситуации чаще всего происходят между людьми одного пола. Немаловажно и такое замечание, что представительницы женского пола предпочитают решать конфликты посредством компромисса или сотрудничества, в отличие от мужчин, которые в конфликтных ситуациях могут демонстрировать давление для достижения своей цели [5, с. 327];

– в ситуации, когда женщина становится объектом вербальной агрессии, со стороны оппонента чаще всего применяются оскорбления, акцентированные главным образом на половой принадлежности;

– когда участниками конфликта становятся

женщины, то возрастает вероятность проявления взаимных оскорблений со стороны обеих сторон;

– мужчина в ходе конфликта с другим мужчиной может употреблять жаргонную лексику, а также слова, которые не соответствуют гендерной идентичности оппонента с целью оскорбить его [5].

Необходимо заключить, что существует большое количество особенностей демонстрации гендерной агрессии, а также отличий между мужчинами и женщинами в указанной области выражения деструктивного поведения. В этом случае нельзя исключать биологические предпосылки проявления такого рода активности, которые могут включать врожденные характеристики человека. Немаловажен фактор социально-культурного воздействия на индивида, которое предоставляет базу не только для определения гендерной идентичности, но и формирования гендерных стереотипов и ролей, которые могут стимулировать гендерную агрессию у людей.

Список литературы

1. Бисултанов М.С-А., Ершова К.Д. ТЕОРИЯ АГРЕССИИ К. ЛОРЕНЦА // Вестник науки. 2019. №5 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-agressii-k-lorentsa> (дата обращения: 23.11.2022).
2. Гендерология и гендерные исследования в социальной работе: учебное пособие для студентов направления подготовки «Социальная работа» / сост. В.В. Ситникова. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2018. – 131 с.
3. Киселева Татьяна Викторовна Гендерные различия в проявлении агрессии подростков // Евразийский Союз Ученых. 2014. №8-9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-razlichiya-v-proyavlenii-agressii-podrostkov> (дата обращения: 23.11.2022).
4. Реан Артур Александрович Агрессия и виктимность в контексте семейной социализации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. №4 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressiya-i-viktimnost-v-kontekste-semeynoy-sotsializatsii> (дата обращения: 23.11.2022).
5. Смирнов Павел Юрьевич Гендерная дифференциация в проявлении речевой агрессии мужчин и женщин // БГЖ. 2017. №4 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-differentsiatsiya-v-proyavlenii-rechevoy-agressii-muzhchin-i-zhenschin> (дата обращения: 23.11.2022).

УДК 394

БЫТ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ ЯКУТИИ В 50-Е – НАЧАЛА 60-Х ГГ. XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК СССР)

Сулейманов А.А.

В статье анализируются документы исследовательской деятельности, в рамках которой фокусе внимания ученых находились различные бытовые сюжеты из жизни коренных народов Севера, проживающих в арктических районах Якутии. В связи с этим отмечены изменения, произошедшие в повседневной жизни аборигенных этносов региона в результате советской модернизации сельской местности, показаны основные бытовые проблемы, с которыми сталкивались представители коренных народов. Кроме того, выявлены определенные отличия в оценке осуществившихся бытовых трансформаций в конце рассматриваемого периода по сравнению с его началом.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, коренные народы, Академия наук СССР, научные исследования, быт.

The article analyzes the documents of research activities, in which the focus of attention of scientists was on various everyday subjects from the life of the Indigenous Peoples of the North living in the Arctic regions of Yakutia. In this regard, the changes that have taken place in the daily life of the aboriginal ethnic groups of the region as a result of the Soviet modernization of the countryside are noted, the main everyday problems faced by representatives of the Indigenous Peoples are shown. In addition, the identification of certain differences in the assessment of household transformations that have taken place at the end of the period under review compared to its beginning.

Keywords: Arctic, Yakutia, Indigenous Peoples, USSR Academy of Sciences, research, everyday life.

Арктические районы Якутии занимают гигантскую площадь в более чем 1600 тыс. км² и являются местом традиционного проживания представителей 6 коренных народов Арктики: долган, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров и якутов, а также самобытного этнического сообщества русских арктических старожилов.

На протяжении веков культура и хозяйственные комплексы названных этносов сохраняли свою основу и испытывали относительно слабое внешнее воздействие. Ситуация резко изменилась с началом советской модернизации Якутии. Интенсификация транспортно-промышленного освоения Советской Арктики, которой сопутствовала миграция населения из западных регионов СССР, а главное – реализация политики коллективизации и поселкования, имевшей следствием сосредоточение доселе распыленного по аласам и местам кочевий населения в стационарных поселениях, привели к серьезнейшим трансформациям в укладе жизни аборигенных этносов.

Со всей очевидностью первые социокультурные и экономические последствия проведенных преобразований стали сказываться на севере Якутии в 1950-е гг. Следует отметить, что процессы коллективизации и поселкования в силу удаленности региона, разбросанности отдельных родов на его обширных территориях, а также слабой развитости дорожной инфраструктуры хотя и были начаты практически одновременно с центральной

частью страны, однако окончательно завершились лишь в начале 60-х гг. XX в. Например, предки современных жителей эвенского села Березовка Среднеколымского района вплоть до середины 1950-х гг. вели постоянную кочевую жизнь, занимаясь оленеводством и охотничьим промыслом на приграничной территории Магаданской области и Якутии. Лишь в 1961 г. единоличные хозяйства местных эвенов, минуя систему колхозов, вошли в состав районного совхоза [2, л. 6].

Одним из наиболее репрезентативных источников, характеризующих различные аспекты жизнедеятельности коренных народов арктических районов Якутии, включая, естественно, и их быт, являются материалы полевых исследований, проводившихся в рассматриваемый период учеными. Во-первых, эти материалы являются достаточно объективным свидетельством реальной ситуации на местах, во-вторых, именно в 50-е гг. XX в. произошла значительная активизация исследовательской работы на севере Якутии. В частности в этот период проводились социоэтнографические экспедиции Института языка, литературы и истории Якутского филиала Академии наук (АН) СССР под руководством И.С. Гурвича, которыми в течение 1951 – 1954 гг. были охвачены 10 арктических районов, начались работы участников Северной экспедиции Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, состоялась фундаментальная Юкагирская комплексная экспедиция. В ходе перечисленных и других исследовательских инициатив, реализованных

в рассматриваемый период в Заполярной Якутии, был аккумулирован значительный комплекс сведений, характеризующих изменения, произошедшие в быту коренного населения и в целом – его особенности. В данной работе представлен анализ наиболее важных, как представляется, положений, выработанных по результатам проведенных изысканий.

Так, на основе полученных во время экспедиции в Средне- и Нижнеколымский районы Якутии 1951 г. данных И.С. Гурвич определил ареал расселения и составил краткое описание истории хозяйственной деятельности эвенов, чукчей, юкагигов и якутов Нижне- и Среднеколымского районов в конце XIX – 20-е гг. XX вв. После коллективизации, по мнению ученого, значительно ускорились ассимиляционные процессы, которым способствовало широкое распространение межнациональных браков. В результате И.С. Гурвич отметил значительное смешение коренных народов исследуемого ареала, их культуры и обычаев. В частности было установлено, что юкагиры переняли эвенский тип жилища, покрой одежды и обуви, образ жизни. Среди якутов получила распространение заимствованная у русских хозяйственная утварь, русская и чукотская одежда. Восприняли мужскую одежду чукчей и эвены. У самих чукчей, наряду с сохранностью своей национальной одежды, а также традиционного жилища – яранги с пологом, наблюдалось отмирание ряда обычаев (добровольная смерть, отработка за жену, обмен женами и т.д.) [5, л. 7-46].

В ходе экспедиционных исследований, проведенных в 1952 г. в Момском, Абыйском и Аллаиховском районах Якутии, И.С. Гурвич, рассматривая изменения, произошедшие в быту местного населения, отметил облагораживание интерьера домов и появление в них обоев, настенных часов, занавесок, книжных этажерок, зеркал, а также швейных машинок, музыкальных инструментов, разнообразной посуды, что стало сближать сельское жилье с городскими квартирами. По наблюдениям ученого, значительно улучшилось и питание аборигенных этносов. Теперь в их обиход на постоянной основе вошли мучные изделия, крупа, сушеные овощи, сахар, чай и консервы. Вместе с тем основой рациона по-прежнему оставались традиционные продукты. Для абыйских якутов это были суorat, молоко, сливки и хлеб. Летом их дополняла водоплавающая дичь, зимой – мясо домашних и диких оленей. Значительным подспорьем служила рыба. Повседневное меню жителей низовьев Индигирки было, как установил И.С. Гурвич, более однообразно и основывалось в первую очередь на рыбных продуктах. Однако различные способы их приготовления (мороженой [строганина], вяленой [юкола], толченой [барча], вареной и жареной и др.) повышали вариативность кухни. Разнообразия прибавила и выпечка в специальных формах хлеба, а

не только лепешек, как ранее. Кроме того, обратили на себя внимание ученого изменения в одежде местного населения, также сближавшие город и деревню. Мужчины «испытывали пристрастие к полувоенному костюму – гимнастерки, галифе». Женщины носили платья, юбки, блузки и жакеты. Вместе с тем пожилые женщины продолжали использовать длинные платья типа сарафана. Зимой же одевались «шапки местного покроя и местная обувь <...> телогрейки и всевозможные шубы» [6, л. 5-65].

Значительно менее радужную картину И.С. Гурвич зафиксировал в 1956 г. в с. Нелемное Верхнеколымского района Якутии – месте компактного проживания юкагигов. Ученый проводил эти исследования уже в качестве сотрудника Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР во время переноса села на новое место из-за имевшего катастрофические последствия наводнения 1954 г. Этот факт, а также недостаточное, на взгляд И.С. Гурвича, финансирование переезда властями определили «весьма печальное» бытовое положение местного населения. По наблюдениям исследователя, перевезенные на новое место здания школы и больницы после сбора районными энтузиастами «продувались, их полы качались, а рамы и двери были перекошены» [4, л. 4-5]. Аналогичной оказалась ситуация с построенными на новом месте жилыми домами. Сооруженные наспех они летом заливались дождевой водой, а в холодное время года насквозь продувались ветрами. При этом значительная часть населения вовсе была вынуждена жить в чумах из лиственничной коры и матерчатых палатках [4, л. 7].

Достаточно репрезентативны в плане рассматриваемой проблематики и данные, полученные участниками Юкагирской комплексной экспедиции 1959 г., научным руководителем которой являлся все тот же И.С. Гурвич. В рамках инициативы был проведен исследования в Аллаиховском, Нижне- и Верхнеколымском районах Якутии, а также в Среднеканском районе Магаданской области [9].

Село Нелемное Верхнеколымского района Якутии. Новые типовые дома. Рядом летники, построенные местными

жителями из наносного сплава. 1959 г. Юкагирская комплексная экспедиция. Фото М.Я. Жорницкой // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 360.

Любопытными представляются наблюдения ученых о влиянии коллективизации на этнические процессы. В Нижнеколымском районе она привела, по их мнению, к интенсивному обмену культурными ценностями – восприятию чукотских приемов выпаса оленей юкагирами и эвенками, чукотской мужской одежды русскими, эвенками, юкагирами и якутами, эвенской женской – чукчами и т.п. («Можно видеть эвена в чукотской кухлянке, якутских торбазах, эвенской шапке, в темных синих очках, едущего на нарте русского типа, запряженной собаками, при современных часах, бинокле и даже с китайским термосом в багаже») [7, л. 40-41].

Повседневный быт юкагиров, по наблюдениям исследователей, также претерпел изменения. Так, «в стаде бригадира Явловского около яранги антенна, радиоприемник, кровати-раскладушки, зеркало, умывальник, эмалированная посуда. Сам Явловский ездил в Москву и приобрел не бусы, а детали к приемнику, чайную посуду, кое-что из одежды и т.д. Другой колхозник, ездивший в Москву, приобрел набор раскладной мебели...». Ученых приятно удивили наличие в одной из бригад сахара, масла, галет, вареного мяса, соли и лепешек, знакомство местного населения с правилами банковских операций [7, л. 22-25].

Вместе с тем было установлено, что, в целом, техника оленеводства и ведения охоты осталась практически неизменной. «Бригады оленеводов – отметил И.С. Гурвич – постоянно кочуют, с ними передвигаются и члены их семей. Зимой перекочевки производятся один-два раза в месяц, весной – через 3-4 дня, летом – через день. Живут или в чумах, отапливаемых железной печкой, или в ярангах с пологими... спят они на шкурах, из материи у многих только подушки... Топят тальником, возят его за много километров, или возят с собою дрова. Освещаются чумы свечами. В этих жилищах температура резко колеблется... В охоте те же ловушки пасти, которые объезжают на собаках» [7, л. 23].

Наиболее острой проблемой, по наблюдению И.С. Гурвича, являлись, наряду с отсутствием технических новшеств, тяжелые жилищные условия пастухов, охотников и рыбаков [7, л. 305-308; 338-340]. Кроме того, Министерство сельского хозяйства Якутской АССР продолжало, по сведениям ученого, навязывать северным колхозам дальнейшее увеличение численности крупного рогатого скота, несмотря на очевидную нерентабельность скотоводства в специфических природно-климатических условиях тундровой зоны, а также отвлечение и без того дефицитных трудовых ресурсов. Вызвало вопросы у И.С. Гурвича, учитывая

ограниченность пригодных для питания отходов, и повсеместное расширение звероводческих хозяйств [7, л. 314-319].

Серьезной проблемой, по мнению И.С. Гурвича, являлся также тот факт, что у значительного числа колхозников «вообще отсутствовало», а у части имело «крайне незначительные размеры» личное подсобное хозяйство. В частности, в колхозе им. Ленина Нижнеколымского района додумались запретить «метать личные сети для своих личных нужд» [7, л. 327]. В результате деньги и натуральные выдачи, получаемые из колхоза, являлись единственным источником существования большинства его членов. При этом размеры этих выдач были, по словам ученого, «крайне незначительны», что негативно сказывалось на рационе питания аборигенных этносов – привычных мяса и рыбы они стали потреблять существенно меньше. Данный факт, в свою очередь, приводил к ухудшению состояния здоровья местного населения и широкому распространению социальных болезней [7, л. 326-332].

И.С. Гурвичем была затронута и такая актуальная проблематика, как борьба с алкоголизацией населения. В частности, ученый отметил положительные последствия введенных незадолго до экспедиции ограничений на завоз и продажу спиртных напитков: резко поднялось благосостояние населения, улучшилась трудовая дисциплина, значительно сократился уровень преступности. Последнему способствовало и «удаление с Колымы лагерников» [7, л. 332-334].

В 1962 г. в арктических районах Якутии вновь работал И.С. Гурвич. На этот раз начальник северо-восточного отряда Северной экспедиции Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР проводил изыскания в Оленекском и Нижнеколымском районах Якутии. Помощь в сборе эмпирического материала И.С. Гурвичу оказывал его ученик, аспирант Института этнографии Н.А. Алексеев. Целью исследований было выяснение текущего социально-экономического положения представителей коренных народов Севера.

Проведенные изыскания показали, что в целом условия жизни аборигенных этносов не стали лучше. Более того, в связи с реорганизацией колхозов в совхозы уже упоминавшаяся проблема обеспечения местного населения привычным рационом питания (мясо и рыба), только усугубилась, т.к. при новой форме коллективного хозяйствования труд оплачивался исключительно деньгами, натуральные же выдачи были полностью прекращены. Это привело к ситуации, при которой «потребление населением привычных традиционных национальных продуктов настолько сократилось...», что стало вызывать «серьезные опасения за существование коренного населения» [3, с. 266]. По сведениям И.С. Гурвича, раньше один мужчина употреблял в

среднем 1,5-2 кг мяса в день, а нередко 3-4 кг. В 1962 г. же в Оленекском совхозе оленеводам отпускалось только 7 кг мяса по себестоимости (40–50 коп) на одного человека в месяц или 200-230 г в день. Охотники же получали еще меньше – 150 г. В итоге население было вынуждено покупать мясо по розничным ценам – 2 руб. 20 коп. за кг при среднем доходе 80-100 руб. Досадный парадокс ситуации заключался в том, что такие высокие цены были установлены правительством, чтобы поддержать оленеводческие колхозы и повысить уровень жизни аборигенных этносов.

Положение усугубляли недолговечность рыбы, практическое полное исчезновение диких оленей – традиционного источника дополнительного пропитания северных народов, а также такой лимитирующий фактор развития, как фактическое отсутствие личных подсобных хозяйств. При этом даже эти, минимальные, объемы выловленной рыбы, а также недостающая работникам совхоза оленина шли на корм лисиц и песцов в звероводческие хозяйства, приносявшие ежегодный убыток [3, с. 266-271; 8, л. 1-55].

Таким образом, в рамках исследований, проведенных в течение 1950-х – нач. 1960-х гг. сотрудниками Академии наук СССР и, прежде всего, И.С. Гурвичем, был осуществлен достаточно подробный анализ бытового положения представителей коренных народов Севера, проживающих в арктических районах Якутии, рассмотрено влияние на него советской модернизации сельской местности. При этом следует отметить определенные различия в оценке

сложившейся ситуации. Если в начале рассматриваемого периода эти оценки были в основном положительными, то к его концу отчетливо проявилось негативное отношение исследователей к текущим реалиям. Подобные отличия, вероятно, обусловлены не только действительным расхождением бытовых условий жизни аборигенных этносов в начале 50-х гг. XX в. и спустя десятилетие, но и определенной либерализацией общественно-политической жизни в стране, в рамках которой у ученых появилось чуть больше свободы в своих оценках.

Список литературы

1. Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201.
2. Архив Якутского научного центра Сибирского отделения (ЯНЦ СО) РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 418.
3. Гурвич И.С. О положении коренного населения северных районов Якутской АССР // Этнологическая экспертиза: народы Севера России. 1959-1962 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 45–113.
4. Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 24.
5. Рукописный фонд Архива (РФА) ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 231.
6. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 236.
7. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359.
8. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 563.
9. Сулейманов А.А. Юкагирская комплексная экспедиция 1959 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 74-78.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82.0

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ И.В. КИРЕЕВСКОГО И К.С. АКСАКОВА: ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Малеко В. Е.

В статье рассмотрен вопрос об особенностях изображения фантастических существ в русской романтической прозе первой трети XIX в. на примере волшебной сказки И.В. Киреевского «Опал» и фантастической повести К.С. Аксакова «Облако». Автором выдвинута гипотеза о том, что фантастика в отечественной литературе «подтачивала» основы рационализма, сформулированные еще Просвещением, способствуя их постепенному разрушению. В процессе работы был использован литературоведческий анализ, а также компаративный метод исследования при сопоставлении различных авторских концепций в рамках создания образов фантастических существ. Итогом работы стал вывод о том, что фантастические существа русского романтизма являют собой высокий сказочный идеал, стремление к которому возвышает человеческую личность.

Ключевые слова: Русская литература, романтизм, проза, фантастические существа, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков.

The article considers the question of the features of the image of fantastic creatures in Russian romantic prose of the first third of the XIX century on the example of the fairy tale by I.V. Kireevsky "Opal" and the fantastic story by K.S. Aksakov "Cloud". The author hypothesized that fiction in Russian literature undermined the foundations of rationalism formulated by the Enlightenment, contributing to their gradual destruction. In the course of the work, literary analysis was used, as well as a comparative method of research when comparing various author's concepts within the framework of creating images of fantastic creatures. The result of the work was the conclusion that the fantastic creatures of Russian Romanticism represent a high fairy-tale ideal, the pursuit of which elevates the human personality.

Keywords: Russian literature, romanticism, prose, fantastic creatures, I.V. Kireevsky, K.S. Aksakov.

После 1825 г. в России исторические перемены стали предпосылкой для появления повышенного интереса писателей к мистике и фантастике. Происходит это вполне закономерно. Восстание декабристов повлияло не только на политическую обстановку в стране, но и на всю духовную атмосферу русской жизни, которая теперь стала совсем иной. В таких условиях усилилось стремление умов к чему-то чудесному, находящемуся за гранью рационального познания. Отметим, что фантастическим существам и фантастическим представлениям о сверхъестественном суждено было сыграть значительную роль в развитии русской литературы первой трети XIX века. На наш взгляд, именно фантастика «подтачивала» основы рационализма в литературе, сформулированные еще в эпоху Просвещения, и способствовала их постепенному разрушению [16, с. 21]. Сознание русской общественности теперь не ограничивалось пределами реальности, в которой жестокие законы и рациональное сознание с его строгой логикой приспособления и расчета имели определяющее значение. Они уступили место совсем другому

мышлению, которое оказалось не здешним. Законы его, на наш взгляд, отчетливо представлены в прозе И.В. Киреевского и К.С. Аксакова. Первый воплотил свое понимание запредельного фантастического мира в жанре волшебной сказки, а второй – в жанре волшебной повести.

Целью данной статьи стало изучение специфики создания образов фантастических существ в романтической прозе И.В. Киреевского и К.С. Аксакова. Основные задачи были подчинены логике исследования и представляли собой значимые шаги, определенные общей темой данной работы. Во-первых, нам нужно было выяснить причины, по которым фантастические образы заняли столь значимое место в русской литературе первой трети XIX века. Во-вторых, рассмотреть специфику создания фантастических образов в волшебной сказке И.В. Киреевского «Опал» (1831). В-третьих, проанализировать природу фантастических персонажей в фантастической повести К.С. Аксакова «Облако» (1836).

В процессе работы мы обратились к литературоведческому анализу, учитывая принцип

контекстного прочтения произведений русской классики. Важным аспектом в работе стал анализ исторических данных, позволивший связать интерес к фантастике с глубокими общественно-политическими изменениями, произошедшими в русской жизни. Применение компаративного метода исследования оказалось необходимым при сопоставлении различных авторских концепций в рамках создания образов фантастических существ в русской романтической прозе первой трети XIX в.

Степень разработанности выбранной нами темы в отечественной и мировой теории литературы представляется достаточной в той части, где речь идет о природе фантастического в литературном романтизме в целом. Здесь внимания заслуживают работы таких авторов, как С.Ф. Васильев [3], О.И. Виноградова [2], Ю.В. Манн [8], Т.Н. Маркова [10], В. Маркович [11], А.Н. Михайлов [12], С.В. Рудакова [13] и др. Однако современному литературоведению недостает пообразного анализа, представленного на материале романтических произведений русских писателей первой трети XIX в., в которых фантастические персонажи определяют весь ход фабульного развития, проблематику, сюжетные коллизии. обстоятельно исследовано лишь фантастическое в творчестве Н.В. Гоголя, которому посвящены работы таких литературоведов как С.А. Гончаров [4], В.И. Гусев [5], Ю.В. Манн [9] и др. Мы же сосредоточили свое внимание на произведениях И.В. Киреевского и К.С. Аксакова, в которых фантастические образы изучены недостаточно полно, а текстовый анализ их генезиса требует большей точности и обстоятельности.

Несомненным является тот факт, что представление о сверхъестественном в отечественной литературе первой трети XIX в. опиралось на принципы, которые легко обнаруживаются в древней славянской мифологии. Русская фантастическая проза изобилует древними мифологическими персонажами. В произведениях русских авторов среди фантастических существ можно встретить водяных, оборотней, упырей, русалок, леших, домовых, кикимор, оживших мертвецов, призраков, ведьм, колдунов и прочую «нечисть». Все они обретают статус ярких и неповторимых литературных героев. К тому же, эти загадочные фантастические существа оказывались «очеловеченными», во многом уподобляясь людям. У русских писателей они получили возможность любить, мечтать, ненавидеть, страдать, знали разочарование и становились счастливыми. У них появились желания и стремления, они обрели бессмертие, но так и не стали всесильными. Представления о них в русской литературе оказались неотделимыми от представлений об истинной природе самого человека, что давало возможность увидеть ее по-новому. Важнейшими источниками подобных образов и представлений были народные верования и народная

поэзия. Нужно учитывать лишь, что теперь они оказались дополненными положениями из учения Парацельса, Беме и других мистиков XVI – XIX вв. [15, с. 68]. Нужно добавить, что на этом этапе отчетливо проявилось и влияние европейской романтической литературы.

Романтическая фантастика, созданная русскими писателями в первой трети XIX в., не требовала от читателей убежденной веры в реальность сверхъестественного. В литературе оно воспринимается как эстетический феномен, как художественная реальность. В большинстве случаев авторы создают уникальную атмосферу, которой читатель хотя бы на время должен быть поглощен всецело, приобщившись эмоционально. Он должен был пройти через непосредственное ощущение чужда и реагировать на это ощущение эмоционально. Нужно было испытать очень сильные эмоции: удивление, ужас или восторг. Так осуществляется главный принцип романтического миропонимания – двоемирие. Он возник и сформировался из глубокой неудовлетворенности настоящим. Как следствие, у романтиков неоднократно возникает желание до неузнаваемости преобразить реальный мир. Авторское воображение давало право на безграничную свободу вымысла, что и отличало русскую фантастику в целом.

Сформировавшееся в русской литературе понимание фантастического и стремление к воссозданию образов фантастических существ в прозаических произведениях можно обнаружить и в произведениях И.В. Киреевского и в творчестве К.С. Аксакова. Оба писателя принимали использование чудесного в своем литературном творчестве.

Для русского литературного романтизма первой трети XIX в. характерно фантастическое повествование сказочного типа. Произведения выглядят непосредственными и наивными. Такие принципы и определяли строение волшебной сказки И.В. Киреевского «Опал» (1831) и фантастической повести К.С. Аксакова «Облако» (1836). Два произведения роднит один и тот же способ использования чудесного [7, с. 151]. В рамках фантастических повествований автор предлагал читателю сюжет, который мог включать в себя чудеса самого разного характера. Этим и объясняется их жанровое определение «сказка». Мы, действительно, можем обнаружить сходство подобных повествований с фольклорной сказочной традицией.

Однако сходство литературных романтических произведений с фольклорным произведением было во многом условным. В фольклорной сказке отсутствует чудо в собственном смысле этих слов. Мы знаем о пересечении границ внутри сказочного мира туда и обратно, но это движение не означает нарушения естественных природных законов. Народная сказка никогда не

знала двоимирия. Здесь бытовое и чудесное становятся элементами одной и той же сказочной действительности. Другими словами, чудеса в сказочном мире не вызывают удивления и вообще не воспринимаются как нечто неординарное.

В повестях И.В. Киреевского и К.С. Аксакова повествование выглядит иначе. Литературный сюжет строится таким образом, что время от времени у читателя возникает ощущение чуда. У читателя нередко возникает предчувствие события непостижимого и невероятного.

Особое место в повествовании русских романтиков занимают фантастические существа. Будучи идеальными, они помогают понять неидеальную природу самого человека. В повести И.В. Киреевского «Опал» переселения Нурредина на фантастическую таинственную планету, скрытую в опале его перстня, выглядят как мистические путешествия. У К.С. Аксакова в его фантастической повести «Облако», мистическим представляется появление чудесной девушки-облака и ее загадочного отца. Эти образы дважды возникают на жизненном пути героя повести Лотария Грюненфельда. О невероятности и фантастичности отмеченных событий в романтическом произведении обычно предвещают ощущения главного действующего лица. «Какая-то сказка волшебная и заманчивая», – таково одно из первых впечатлений Нурредина, который смог погрузиться в открывшийся ему мир «новой планеты» [6, с. 153]. «Чудесным происшествием», которому бы никто не смог поверить, представляется Лотарию его первая встреча с фантастической девушкой-облаком [1, с. 56]. Двоимирие осложняет и преобразует условно сказочный сюжет. Будет уместно отметить, что в романтических произведениях создан особый художественный мир, где, как и в сказке, все может произойти. Именно поэтому фантастические существа зачастую оказываются среди людей.

В этом случае уместно будет вспомнить рассказ о «происшествии из младенческой жизни Лотария» [1, с. 53]. В нем мы видим романтическую идеализацию детства героя. Это обстоятельство не выглядит случайным, так как в простоте и непосредственности детского взгляда на мир романтики видели проявление высшей нравственности и человечности. Детство, по их мнению, заключало в себе гармоническую связь человека и природы. Так, именно Лотарию-ребенку дано соприкоснуться с миром фантастических существ и вызвать любовь одного из них. Мы понимаем, что только наивная и чистая детская душа может приблизиться к истине высшего порядка. Напротив, приобретенный жизненный опыт, рационализм мышления, просвещенность как таковая делают взрослого человека слепым и глухим к высшим смыслам бытия. Именно этот тезис стремился утвердить К.С. Аксаков в своем

произведении через соприкосновение человека и фантастического существа – девушки-облака.

Высшим смыслом в повести К.С. Аксакова окружена любовь. Она представлена как пробуждение души, как ее освобождение из плена житейской, прозы. Вместе с тем любовь понимается как приближение к идеалу: в ней человек отрешается от самого себя во имя другого, возвышаясь, таким образом, над собственной личностью. Символическое значение данной темы закрепляется в пророческих словах фантастической девушки-мечты: «Знай, что из каждого царства природы приходят в мир чудные создания, и когда перед тобою пронесется девушка... с вдохновенным взором, с небесной прелестью на лице, – знай: это гостя между вами, это создание из другого, «чудесного мира» [1, с. 58]. Этот образ фантастического существа вполне можно рассматривать как сказочный, но в литературном произведении Аксакова он предстает как недостижимый идеал.

Каждый из авторов, и К.С. Аксаков, и И.В. Киреевский, стремился использовать средства фантастики для воплощения романтических представлений о потаенной сущности мира. Представления эти часто облекались в образы женских фантастических существ. Важно напомнить о том, что еще в ранних повестях Новалиса и в философии Шеллинга утверждалась мысль о женственности как о незыблемом начале, составляющем основу бытия [14, с. 25]. Романтический культ женственности был неразрывно связан с романтическим культом любви. По мнению романтиков, лишь через любовь открывается путь, ведущий к познанию женственной «души мира» (ведь женственность и есть любовь в ее высшем, всеподчиняющем значении). В повестях русских романтиков мы также можем увидеть, как познание абсолюта, раскрытие мировой тайны приходит к их героям – Нурредину и Лотарию Грюненфельду – в качестве любовного озарения. Это ни что иное как любовь к женской сущности.

В произведении Киреевского представление об основах мироздания объединяет в себе культ женственности с культом музыки. Фантастическое существо – прекрасная девушка, воплотившая удивительную душу представшего Нурредину идеального мира, символически названа «Музыкой Солнца» [6, с. 154]. Это фантастическое имя служит прозрачным намеком, но и его можно толковать по-разному. Стихия музыки в повести не является однозначной. Музыка предстает как поэтическая словесная тема, или же оказывается зримым женским обликом. Она может обретать и смутный образ звуковой красоты, возникающий из сонма впечатлений героя. При этом, во всех проявлениях музыка отмечена ясными приметами высшей силы. Только она способна приблизить человека к иным фантастическим мирам. Постепенно для читателя

открывается важное обстоятельство: символические значения женственности, музыки и любви объединяются. В этом и проявляется цельность и неделимость жизни. В музыке, как и в любви, раскрывается тайна бытия, только музыка дает душе возможность обрести доступ к бесконечному. В созданном И.В. Киреевским образе фантастического существа живет философское начало.

Действия и характеры персонажей в произведениях русских романтиков часто пропитаны духом максимализма. Так, в «Опале» Киреевского решительно отвергаются ложные ценности земного величия, богатства, власти, славы. Под сомнение ставятся и ценности иного порядка – романтические переживания, которые посещают главного героя – Нурредина, оказавшегося на таинственной планете. Здесь царит мир идеальных возможностей. Духовные наслаждения должны иметь некий предел для человека. Так, добившись поцелуя фантастического существа – Музыки, Нурредин теряет волшебный перстень, а вместе с ним и доступ в мир идеала [6, с. 163]. Становится понятно, что обладание за известной чертой неизбежно влечет за собой потерю. Единственной безусловной ценностью в повести И.В. Киреевского предстает мечта, стремление к идеальному и бесконечному. Ее можно рассматривать как главный фантастический образ, созданный автором. В финале повести К.С. Аксакова мы узнаем о смерти героя, неспособного выжить в опустевшем после исчезновения чудесной фантастической «гостии» земном мире. Заканчивается повествование многозначным символическим замечанием: «по небу удалялись два легких облачка» [1, с. 60]. Становится понятно, что в повести «легкое облачко, одиноко скользящее в пустыне неба», символизирует явления фантастического образа – представительницы иных миров [1, с. 60]. Внезапное удвоение облачка-символа можно истолковать как приобщение героя к неземному фантастическому миру. В этом контексте смерть героя означает преодоление времени и пространства, освобождение души из плена материи (автором как плен оценивалось пошлое благополучие взрослого Лотария). Освобождение – это прорыв в вечность. Понимание всех этих идей наступает после соприкосновения героя с фантастическим существом.

Подводя итог, хочется отметить, что составляя подобные представления через подробное повествование о чудесных приключениях своих героев, И.В. Киреевский и К.С. Аксаков ставили фантастику на службу общему романтическому принципу. Следование ему превращает мысли героев в законы, а желания – в исполнение желаний. Законы действительности были отвергнуты с одной лишь целью: создать новые законы идеального мира. Для русских романтиков образ идеала теперь связывается с представлениями о фантастических существах, населяющих и реальный, и идеальный мир. Сказочная форма помогала изолировать автора и его

вымышленный мир от всяких связей с действительностью. Именно поэтому данную форму избрали для своих повестей оба писателя, особенно дорожившие правом рассуждать о фантастическом так, как если бы оно было реальностью.

Фантастическая утопия, рисующая картины гармоничной жизни, в произведениях русских романтиков была наполнена чертами фольклорной сказки. Фантастические существа И.В. Киреевского и К.С. Аксакова являют собой представление об идеале – красивом и уточенном, наделенном высокой духовностью и добром. И хотя эти герои – чистый вымысел, они вызывают в каждом читателе глубоко эмоциональный отклик, в котором и раскрывается общая мечта о прекрасном идеале.

Список литературы

1. Аксаков С.Т. Собрание сочинений в 3 томах. Том 1. Облако. М.: Художественная литература, 1986. 327 с.
2. Виноградова О.И. Русская фантастическая повесть первой половины XIX века // Русский язык в языковом и культурном пространстве мира: наука и жизнь. Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2013. С. 36-39.
3. Васильев С.Ф. Поэтика «реального» и «фантастического» в русской романтической прозе // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПГУ, 1990. № 1. С. 73-81.
4. Гончаров С.А. Мистика и Мистификация Гоголя // Философия современности и стратегии гуманитарной экспертизы: Творчество и субъективность. Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии, 2016. С. 86-89.
5. Гусев В.И. Порыв к высокому. Гоголь и романтизм // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. М.: ЛИТ, 2009. № 1. С. 25-29.
6. Киреевский И. В. Полное собрание сочинений. В 2 томах. Том 2. Опал. М.: Типография Московского Императорского ун-та, 1911. С. 151-164.
7. Кузьмина М.Д. О лиризме прозы К.С. Аксакова (психологический этюд «Осень») // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. М.: МГУ, 2020. № 1. С. 150-161.
8. Логинова Н.В. Метафизика личности в философско-антропологических воззрениях славянофильства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. Москва: МГИКа, 2018. № 4 (84). С. 60-69.
9. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя: реальное и фантастическое // Литература в школе. М.: МПГУ, 2015. № 1. С. 8-11.
10. Маркова Т.Н. История русской литературы XIX века (первая треть) // Челябинск: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2020. 187 с.
11. Маркович В. Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820- 1840 гг.): сборник произведений // Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. С. 5 - 47.
12. Михайлов А.Н. Категория фантастического в культуре романтизма // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 6-2. С. 13-132.
13. Рудакова С.В. История русской литературы (I часть XIX века) // Магнитогорск: Магнитогорский Дом Печати, 2015. 210 с.

14. Сергеева Е.В. Проблемы мировоззрения и поэтика прозы Ф.К. Сологуба (художественная космогония романов «Мелкий бес» и «Творимая легенда»). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Магнитогорск, 1998.
15. Скуднякова, Е.В. Фантастическое как категория поэтики литературного произведения: разнообразие трактовок // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. М.: МГЭУ, 2012. № 3 (11). С. 63-71.
16. Темурзиева А.Б. Становление фантастики в русской романтической прозе 1820-30-х гг. // Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны. СПб: Инновационный центр развития образования и науки, 2018. С. 19-21.
-

ОБРАЗ ЗАКОНОУЧИТЕЛЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Попова Л.В., Попов И.Ю.

В статье рассмотрена семантика и функционирование номинации *законоучитель* и ее эквивалентов в русской языковой картине мира на материале словарей, Национального корпуса русского языка, «Летописи Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви». В XIX в. выявлена актуализация педагогической семантики, конкретизация образа законоучителя в контексте русской культуры. В XX в. после смены социально-политического строя частотность слова *законоучитель* резко снижается. Во все периоды образ законоучителя имеет положительную оценку.

Ключевые слова: Законоучитель, концепт религиозный «закон», «Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви», Национальный корпус русского языка, русская языковая картина мира.

The article considers the semantics and functioning of the nomination of the teacher of the law and its equivalents in the Russian language picture of the world on the basis of dictionaries, the National Corpus of the Russian Language, and the «Chronicle of the Orenburg Diocese of the Trinity District of the Miass Factory of the Peter and Paul Church». In the 19th century, the actualization of pedagogical semantics, the concretization of the image of the teacher of the law in the context of Russian culture was revealed. In the 20th century, after a change in the socio-political system, the frequency of the word «teacher of the law» sharply decreases. In all periods, the image of the teacher of the law has a positive valuation.

Keywords: *Zakonouchitel'* (teacher of the law), concept «religious law», «The Chronicle of the Orenburg diocese of the Trinity district of the Miass factory of the Peter and Paul Church», National Corpus of the Russian language, Russian language picture of the world.

В дореволюционной России особое внимание в системе гимназического и школьного образования уделялось Закону Божьему – предмету, на котором учащимся объяснялись основы христианской доктрины. Преподавателем Закона Божьего был законоучитель. Исследователи обращают внимание на то, что приходские священники «были главными трансляторами культуры и грамотности на сельское население» в XIX в.; законоучители «участвовали в работе учебных заведений, проводили религиозно-нравственные чтения, организовывали паломничество» [3, с. 64]. Также отмечается, что требования к законоучителям были очень высоки: «в идеально-образцовом случае законоучитель должен быть одновременно не только священнослужителем, богословом, пастырем-духовником и проповедником, но и хорошим историком и словесником, и вместе с этим – простым и искренним в общении с детьми, понимающим и любящим своих учеников» [2]. О. В. Кошина замечает, что жалование законоучителя начальной школы было «намного скромнее заработной платы светского учителя» (учителя получали от 200 до 500 рублей в год, а законоучители – от 100 до 150 рублей). Многие (почти $\frac{3}{4}$) законоучители работали бесплатно [3, с. 65].

В церковных летописях образ законоучителя находится в центре внимания. Так, в «Летописи Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви» XIX века значительное внимание уделено религиозному образованию и просвещению [4, 5, 6]. В перечне предметов на первое место выносятся Закон Божий («законъ/ Божій, арифметика, славяно-русское чте/ніе и чистописаніе») (1881–1882); «законъ Божій, рус/ская

исторія, русскій языкъ,/ арифметика и теорія тех/ники-механики» (04.03.1889). В лексическом поле «закон» наиболее частотным словом является *законоучитель*, активно употреблялись его производные *законоучительство* («деятельность законоучителя, преподавание Закона Божьего»), *законоучительский*. При этом частотность ядерного слова *закон* в религиозном значении вдвое выше, чем в юридическом. В летописи отражено участие законоучителей в просвещении и общественной жизни города (прием выпускных экзаменов, проведение просветительских бесед-уроков) [7].

В данном исследовании рассмотрена история номинации *законоучитель* и ее эквивалентов в русском языке и русской культуре на материале словарей и Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

При исследовании номинаций субъектов в составе концепта «закон» в истории русского языка выявлено преобладание обозначений субъектов следующих групп: 1) устанавливающих законы; 2) исполняющих их и следящих за исполнением; 3) знающих и толкующих законы. Данные номинации имели в основном религиозный характер до XVIII века. В словарях XVIII–XIX веков проявляется тенденция к дифференциации религиозной и правовой семантики у номинаций субъектов по отношению к закону [8].

Анализ словарных дефиниций показывает, что в древнерусском, старорусском языке, в языке XVIII–XIX веков *законоучитель* имеет значение «толкователь законов», при этом слово *закон* обладало и религиозным, и юридическим смыслом. Цитируемые источники (Священное Писание,

переводная с греческого языка литература) указывают на совмещение религиозной и юридической семантики слова *законоучитель*, однако чаще в словарях отражено значение, связанное с религиозным законом. Значение ‘преподаватель Закона Божьего в учебных заведениях’ в словарях не приведено.

Смысловая структура лексемы *законоучитель* в исторических словарях русского языка в целом сходна (обучение; знание и способность истолковывать смысл закона; религиозность): ‘законоучитель, толкователь законов’ [10, т. III, с. 317; 12, вып. VII]; ‘последователь какого-либо вероучения, знаток, толкователь религиозных законов’ [11, вып. 5, с. 221–222]; ‘учитель закона’ [13, т. II, с. 27].

В словарных материалах образ законоучителя в древний период (жития, хроники о жизни Иерусалима, Античности) представлен как инокультурный, отсылка к русской действительности нет. В словарных статьях (цитатах) показана в основном положительная коннотация слова *законоучитель*, подчеркиваются высокие моральные качества: *человек дивен и благочестив, любимые законоучители, премудрыи законоучитель*. Найден единичный пример отрицательной коннотации – *законоучителей лъживыхъ*.

Слово *законоучитель* обладало полными и частичными синонимами, представленными в словарях: *законник, законамудрец* (‘человек, сведущий в законах’ [11, вып. 5, с. 220]), *законоизъяснитель* ‘изъясняющий смысл законов’ [13, т. II, с. 26–27], *законотолкователь* (‘толкователь, изъяснитель законов’) [13, т. II, с. 26–27; 12, вып. VII]. Данные слова также совмещают религиозную и юридическую семантику и соотнесены преимущественно с древними инокультурными реалиями (в иллюстративной части статей). Слова *закономудрец, законоизъяснитель, законотолкователь* представлены как частичные синонимы к *законоучитель*. Слово *законник* можно назвать полным синонимом, однако при его толковании религиозное и юридическое значения разграничены четче: на первое место вынесено значение ‘учитель закона; знающий законы божественные и гражданские’, на второе – ‘исполнитель закона и предписаний законных». Толкование данного слова сопровождается цитатами из Священного Писания, где встречается обобщенная положительная характеристика ‘великий законник’ (без упоминания моральных качеств) [9, ч. III, с. 10].

Примечательно, что в словарях не зафиксированы феминитивы к рассмотренным словам, что можно объяснить традиционным соотношением данных понятий с лицами мужского пола (и преподаватели в гимназии, и библейские законники были мужчинами).

Законоучитель по словообразовательной модели предполагает деятельность в виде не только толкования законов, в частности Закона Божьего, но и обучения, передачи знаний, навыков («Учитель – тот, кто преподает въ чемъ нибудь учение, наставление» [9, ч. VI, с. 467]). Таким образом, значение слова *законоучитель* включает в себя педагогическую составляющую. В словообразовательной модели слова *законник* этот компонент смысла не представлен. А. Д. Васильев замечает, что концепту ‘учитель» традиционно принадлежит «высокая социальная значимость и выдающаяся роль в сохранении духовного здоровья этноса и приумножении его потенциала». По мнению учёного, слово *учитель* заимствовано из церковных книг и изначально употреблялось в значении ‘проповедник, наставник’, имея в древнерусский период только «высокую положительную оценочность» [1].

Рассмотрим функционирование лексемы *законоучитель*, используя материалы Национального корпуса русского языка.

В древнерусском корпусе искомое слово отсутствует. В корпусе церковнославянского языка лексема *законоучитель* встречается 4 раза. Слово употребляется в библейских текстах (Деяния святых апостол, Библия, Евангелия) и, как в словарных статьях, проявляет положительную коннотацию (*законоучитель честен*):

Воставъ же нѣкѣи на сомнищи фарисей, именемъ гамалииль, законоучитель честень встѣмъ людемъ, повелѣ внѣ малѣ что апсѣлѣмъ уступити [Апостол (1989). [05] Деяния святых апостол].

В старорусском корпусе слово *законоучитель* употреблено один раз:

И стал бы законоучитель твой и рек бы им твоим словом – а сам бы стоял тут же во смиренни великом, – жалуючи со слезами о кривду супостата своего и обѣщаючи им каждому ласку свою лепиши первое и каждому <...> помнити доброту его и чистое сердце его [Тайная Тайных (последняя треть XV в. – первая половина XVI в.)]. В данном примере также прослеживается положительная оценочность: *законоучитель обѣщаетъ ласку*, упоминается его доброта и чистое сердце.

Примечательно, что в XVIII–XIX веках данное слово употребляется в религиозных текстах, связанных не только с христианским, но и с мусульманским вероучением (частотность невысокая). Пример из корпуса XVIII века:

Муфтій, главнѣйшій у Турокъ законоучитель, опасаяся, чтобъ сей сыскъ болге не продолжилсѣ, имгѣль смѣлость увѣщавать, Салтана, что такая строгая поступка противна закону, <...> [Извѣстіе о житіи Турецкаго султана Махомета пятаго // Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь — Іюнь, 1755 года, 1755]. Как и в текстах о христианской культуре,

законоучитель охарактеризован с положительной стороны (*имел смелость*).

Большая частотность данного слова фиксируется в корпусе XIX века: оно встречается 52 раза в 44 документах, причём религиозные тексты занимают всего 4% среди всех сфер употребления: публицистика – 42%, художественная 40%, бытовая 10%, учебно-научная 4%, церковно-богословская 4%, официально-деловая 3,85%.

Фиксируется примерно одинаковая средняя частотность употребления на протяжении всего XIX века. Большое число употреблений относится к 1801 году, незначительный подъём также отмечается в 1881–1882 годах.

К церковно-богословской литературе относится два текста, первый содержит отсылку к Священному Писанию, второй является переводом части Нового Завета, то есть в них отражена древняя культура:

Искушающие Господа суть те, которые вопрошают о заповедях Его и не исполняют их, как и Писание говорит: вопросы един от них, законоучитель, искушая Его [Епископ Игнатий (Брянчанинов). *Отечник* (1863)].

Встав же в синадрионе, некто фарисей, именем Гамалиил, законоучитель, уважаемый всем народом, приказал вывести Апостолов на короткое время, а им сказал: мужи Израильские! [Деяния Св. Апостолов: синодальный перевод (1816–1862)].

Религиозное значение фиксируется и в текстах других сфер (публицистика, наука), где также выражена положительная коннотация (законоучитель сравнивается с «*посланником небесным*» [О Вгабисах // «Вестник Европы», 1805]).

Следует отметить, что в XIX веке лексема *законоучитель* часто встречается в текстах личного характера (воспоминания, дневники и др.). Именно в это период в текстах нерелигиозного содержания слово *законоучитель* начинает употребляться для описания реалий русской культуры (значение «преподаватель Закона Божьего»):

Всего выразительнее в этом культе внешней дисциплины казался нам наш знаменитый законоучитель, священник Михаил Измайлович Богословский. [В. П. Мещерский. *Мои воспоминания* (1897)],

«Однажды, – рассказывает он, – часов в восемь вечера навестил меня некогда бывший мой законоучитель – отец Василий; он уже не один раз был у меня, и беседа его всякий раз оставляла в душе светлый след. [Е. А. Соловьев-Андреевич. *Александр Герцен. Его жизнь и литературная деятельность* (1897)].

Ну, так вот-с завтра, в субботу-с, я обещал почтить его дом. Это, понимаете, Ну, я и рад. Законоучитель и пастырь стада своего он отменный, и я почту. [А.И. Эртель. *Записки Степняка* (1883)]

Во многих текстах авторы высоко оценивают русских законоучителей, выражая к ним личное отношение: *законоучитель – пастырь стада своего отменный, уважаемый всем народом, «беседа его оставляла в душе светлый след», «был уже славен как проповедник и, особенно, как законоучитель», «приятно было представиться бывшему моему университетскому законоучителю», «обожала батюшку – законоучителя».*

Аналогичные примеры находим в «Летописи Миасского завода»: в записи от 01.04.1885 автор «заметки случайного наблюдателя» с теплотой вспоминает уроки своего законоучителя: *«Живое и для/ всъхъ понятное собесъдование почтеннаго пастыря воскресило въ/ души моей прошедше годы дѣт/ства, школьную скамью, уроки / законоучителя».* Кроме того, подчеркивается бескорыстие законоучителей: в записи от 10.11.1888 сообщается, что законоучитель Николай Семеновский в течение года дал 135 уроков вместо следуемых 126 [7].

Таким образом, среди текстов XIX века в НКРЯ 5 употреблений относятся к религиозной сфере в целом (значение «знарок, толкователь религиозных законов»), 47 посвящены учителям Закона Божьего. На этом основании можно сделать вывод о конкретизации семантики – преобладании значения «преподаватель» в XIX веке. Анализ примеров из НКРЯ и «Летописи Миасского завода» позволяет говорить о тесной связи в языковой картине мира XIX века закона как Божьих заповедей и законоучителя, который понятным языком доносил эти заповеди до верующих. Религиозный закон рассматривается не только обобщенно – как норма, но и лично – как вера, значение и смысл которой разъясняет человек [7].

В XX веке частотность слова *законоучитель* выше, чем XIX веке (315 употреблений в 164 документах), однако наибольшая частота употреблений достигается к 1910 году, после чего частотность резко снижается: слово переживает архаизацию, становится историзмом. В словаре Д. Н. Ушакова слово зафиксировано с пометами «книжн., дореволюц.». Дефиниция совпадает со значением в более ранних словарях: «Преподаватель закона божьего» [14]. Лексема *законоучитель* встречается в текстах произведений К.К. Романова, Л.А. Чарской, И.А. Бунина, К.Г. Паустовского, Ф.К. Сологуба и других русских писателей. Кроме этого, данное слово употребляли и священнослужители: архиепископ Николай Японский (Касаткин), митрополит Вениамин (Федченков), митрополит Антоний (Блум).

В текстах XX века, как и в предыдущие периоды, представлены образы русских законоучителей, фиксируется положительная коннотация слова (*снисходительные и мягкие люди; любил бывать у батюшки, законоучителя; выдающийся священнослужитель*):

Любил бывать у батюшки, законоучителя его школы, – и ни разу не ссорился с ним [Ф. К. Сологуб. Превращения (1910)].

В большинстве случаев законоучителя из преподавателей наиболее снисходительные и мягкие люди [П.П. Гнедич. Книга жизни (1918)].

Приглашению в дом отца Николая, в качестве законоучителя, предшествовала молва о нем, как о выдающемся, по своим достоинствам, священнослужителе [Н.П. Карабчевский. Что глаза мои видели. Том первый. В детстве (1921)]

Рассмотрим функционирование слова *законник*, синонимичного слову *законоучитель*. В церковнославянском корпусе *законник* употребляется 6 раз в 6 источниках (Апостол, Библия, Евангелие, требник) в религиозном значении. В старорусском корпусе это слово встречается дважды в одном источнике («Тайная Тайных (последняя треть XV в. – первая половина XVI в.)») и не имеет коннотации. В XVIII веке *законник* встречается 14 раз в 22 текстах. В большинстве случаев слово не имеет коннотации, однако два раза наблюдается сочетаемость со словами, имеющими отрицательную оценочность: «*законников или пустосвятов*», «*горе вам законником*».

Частотность употребления лексемы *законник* в XIX веке по сравнению с *законоучитель* меньше: 70 документов, 111 вхождений у «законник»; 85 документов, 157 вхождений у «законоучитель». Выше было отмечено, что в словообразовательной модели слова *законник* компонент смысла ‘педагог’ не представлен. По нашему мнению, разная частотность употребления данных слов объясняется расхождением их семантики в контексте: под лексемой *законоучитель* преимущественно понимается *преподаватель* (или толкователь) Закона Божьего; а под лексемой *законник* – представитель религиозной и светской власти. В примерах из текстов XIX века проявляется тенденция к отрицательной коннотации лексемы *законник* вследствие связи с понятиями «фарисей», «лицемер»: «*а фарисеи и законники отвергли волю Божию о себе*», «*ужасный законник*», «*большой плут и законник*», «*буквоед-законник*» (противопоставление – «*если он не буквоед-законник, а умный человек*»), «*строгий законник, бранился с «этими законниками*», «*законник и делец*», «*в нем крючкотворец сидит, законник*», «*врагами Христа называются и законники*». Положительные коннотации встречаются реже: в словарной статье употребляется словосочетание *великий законник* [9, ч. III, с. 10], в материалах НКРЯ обнаружены сочетания: «*умница и законник, грамотей и законник*» (кроме того уточняется, что «*к нему относились с уважением, со страхом и не без зависти к его удачам*»). Положительные коннотации подчёркивают достоинства законника как профессионала, но

отсутствуют семы, связанные с теплотой, любовью и уважением как к человеку.

А митрополит был строгий законник, не позволял себе никогда превысить меру полномочий, законом данных, и тем более просить чего-нибудь из уважения к себе лично, к своим архиерейским заслугам [Н.П. Гиляров-Платонов. Из пережитого. Том 2 (1886)].

Бранился Дмитриев с этими законниками постоянно и всегда почти успевал добиться своего [Г. И. Успенский. Малые ребята (1880)].

Рассмотренные выше синонимичные лексемы *закономудрец*, *законоизъяснитель* не встречаются в материалах Национального корпуса русского языка ни в одном из подкорпусов. Исключение составляет слово *законотолкователь*, которое один раз употребляется в подкорпусе XX века:

И тебя, – безжалостно кивнул законотолкователь [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3)]. Примечательно, что пример относится к художественной литературе (жанр текста: юмор и сатира), а искомая нами лексема употреблена с отрицательно маркированным словом *безжалостно*.

Таким образом, можно сделать вывод о разграничении понятий «законник» и «законоучитель» в русской языковой картине мира. Слово *законоучитель*, очевидно, обладает положительной коннотацией, что подтверждается примерами из художественных, церковно-богословских, личных текстов XIX, XX веков. *Законник*, напротив, часто употребляется в связке с отрицательно-оценочными номинациями и приобретает отрицательную коннотацию. Лексема *законоучитель* в XIX веке приобретает большую актуальность как номинация человека, преподающего Закон Божий. В контексте русской культуры другие эквиваленты не используются для наименования преподавателя, что подтверждается данными Национального корпуса русского языка.

Законоучитель входит в русский язык из церковнославянского языка, в словарях имеет религиозную и юридическую семантику. В отличие от синонимов у слова *законоучитель* фиксируется педагогический компонент семантики. В древних церковно-богословских текстах, где отражаются инокультурные реалии, данный образ имеет религиозный характер: ‘последователь какого-либо вероучения, знаток, толкователь религиозных законов’. Если в XVIII веке слово *учитель* утрачивает религиозное значение ‘проповедник’ и в дальнейшем вследствие секуляризации образования лишается сакрального ореола семантики [1, с. 59], то *законоучитель*, сохраняя исходное религиозное значение и положительную оценку, в русской языковой картине мира

приобретает более актуальное значение педагога. По данным НКРЯ, педагогическое значение ('преподаватель') становится преобладающим в XIX веке, понятие «законоучитель» начинает соотноситься с русской культурой. Образ конкретизируется, концепт религиозный «закон» «очеловечивается» в лице преподавателя, понятным языком разъясняющего этот закон. В XX веке частотность употребления лексемы *законоучитель* снижается, что связано с исчезновением в школах предмета Закон Божий и, как следствие, должности преподавателя данного предмета. Во все периоды образ законоучителя имеет положительную оценку: подчеркиваются высокие моральные качества, отмечается почтительное отношение людей к законоучителю.

Список литературы

1. Васильев А. Д. Динамика слова *учитель* в истории русского языка (по данным лексикографии) // *Язык и социальная динамика*. 2012. № 12-1. С. 53-63.
2. Законоучитель дореволюционной школы: личность и исполнение обязанностей. Ч. 1 // *Богослов.Ru*: научный богословский портал / АНО «ЦИТ МДА», 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: bogoslov.ru/article/1667342 (дата обращения: 28.11.2022).
3. Кошина О. В. Законоучитель дореволюционной школы: духовный пастырь или рядовой учитель? // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2017. Т. 17, № 4. С. 63-72.
4. *Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви (1882-1897)*: в 3 т. Т. 1 / сост. А. А. Миронова, Е. Ю. Пичугова, Е. А. Шляхтина; Миас. филиал ГОУ ВПО «ЧелГУ». Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2009. 467 с.
5. *Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви (1882-1897)*: в 3 т. Т. 2 / сост. Т. А. Василец, Е. А. Маркина, А. А. Миронова; науч. ред. А. А. Миронова; Миас. филиал ГОУ ВПО «ЧелГУ». Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2009. 356 с.
6. *Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви (1882-1897)*: в 3 т. Т. 3 / сост. Т. А. Василец, Е. А. Маркина, А. А. Миронова; науч. ред. А. А. Миронова; Миас. филиал ГОУ ВПО «ЧелГУ». Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. 349 с.
7. Попов И. Ю., Попова Л. В. Закон в языковой картине мира жителей Оренбургской епархии XIX века // *Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России*. 2022. № 1 (21). С. 59-62.
8. Попова Л. В. Образ человека в истории концепта «закон»: лексикографический и функциональный аспекты // *Филология и человек*. 2022. № 3. С. 123-133.
9. *Словарь Академии Российской*: в 6 ч. СПб.: Императорская Академия Наук, 1789-1794.
10. *Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.)*. М., 1988.
11. *Словарь русского языка XI – XVII вв.* М., 1975.
12. *Словарь русского языка XVIII века*. Л., 1984–1991. Вып. 1–6; СПб., 1992–2011. Вып. 7–19 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 28.11.2022).
13. *Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отдѣлениемъ Императорской Академіи Наукъ*: в 4 т. СПб.: Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1847.
14. *Толковый словарь русского языка*: В 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/08/us195414.htm> (дата обращения: 28.11.2022).

УДК 81-25

ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Уразаева Н.Р., Теморбулатова Е.А.

Умение использовать и понимать немецкий молодежный сленг играет огромную роль в изучении языка, является важным фактором развития коммуникативной компетенции. Молодежный сленг считается вариантом национального языка, связанным с определенным периодом в развитии личности человека, и подвержен постоянным изменениям. В статье рассматриваются некоторые пути создания современного молодежного сленга: заимствования из английского языка, опора на внешние или функциональные сходства предметов, интернет-мемы. Ввиду специфики молодежной лексики возникают сложности в ее переводе и передаче коннотаций.

Ключевые слова: Молодежный сленг, социальный вариант, англицизмы, сокращения, интернет-мемы.

The ability to use and understand German youth slang plays a huge role in language learning, as it is an important factor in the development of communicative competence. Youth slang is considered a variant of the national language associated with a certain period in the development of a person's personality, and it is subject to constant changes. The article discusses some ways of creating modern youth slang: borrowings from the English language, reliance on external or functional similarities of objects, Internet memes. Due to the specifics of youth vocabulary, difficulties arise in its translation and transmission of connotations.

Keywords: Youth slang, social option, anglicisms, abbreviations, internet memes.

Сейчас молодежь «живет» в Интернете, общение происходит преимущественно в социальных сетях, где используется свой язык, молодежный. Если говорить об изучении иностранных языков, то общение с носителями очень полезно. Поэтому Интернет предоставляет широкие возможности для общения и развития языковых навыков.

Согласно действующему образовательному стандарту целью преподавания языков других народов является всесторонняя подготовка учащихся к возможному межкультурному взаимодействию, т.е. необходимо получать знания и формировать умение вести беседу с иностранцем и понимать не только то, что он говорит, но и то, что он имеет в виду. Обогащение социокультурными знаниями позволяет человеку в сравнении понять особенности и оттенки национальной культуры не только стран изучаемого языка, но и своей страны, приобщиться к общечеловеческим ценностям.

Социокультурная компетенция – это сочетание знаний о стране, в которой говорят на целевом языке, уникальных особенностях национальной и языкового поведения его граждан с возможностью использования этих данных в процессе общения (с соблюдением всех норм этикета и правил).

Не имея элементарных представлений о социокультурных реалиях, обучающиеся не могут в полной мере правильно осуществлять общение с представителями других культур. В частности это касается и молодежного общения. Но в школах и университетах, как правило, не изучают молодежный сленг, а в общении мы часто сталкиваемся с ним.

Одним из замечательных и интересных явлений в языкознании являются попытки лингвистов решить проблему сленга, сущность и происхождение

которого почти неясны и спорны по сей день [3; 6; 7; 8; 9; 10 и др.].

Социолект (сленг) – это язык определенной группы (социальной, профессиональной, возрастной). Одним из таких «языков» является молодежный сленг. Молодежный сленг использует средства национального языка и тесно связан с функциональным стилем разговорной речи. Значительное пополнение и изменение молодежного сленга происходит приблизительно через каждые 5-7 лет. Это связано с изменениями в социолингвистике личности при переходе из одной возрастной группы в другую (школа, вуз, работа).

Таким образом, язык молодежи подвержен постоянным изменениям. Язык, которым пользуются молодые люди, зависит от множества факторов: времени, в котором они выросли, социального положения, окружения, воспитания, но большую роль играют и склонности, и интересы молодых людей.

Целью такого специфического языка часто является дифференцирование от других социальных групп, нередко от родителей или авторитетных фигур в целом. Молодые люди идентифицируют себя через использование определенного языка и терминов [3].

Молодежный сленг представляет собой и переводческую проблему. В современной теории перевода используются понятия его эквивалентности и адекватности. Под эквивалентностью понимается «смысловая общность единиц языка и речи», а адекватность рассматривается как «осуществление полноты межкультурной коммуникации в определенной ситуации» [5, с. 234-235]. Таким образом, при переводе молодежного сленга должны быть учтены социокультурные особенности и коннотативный аспект.

Общение в молодежной группе

характеризуется использованием слов, не существующих в литературном языке, и слов, обозначающих привычные действия. Так рождается терминология молодежи [7].

Молодежный язык, как и любой сленг, имеет отличительные черты:

- отсутствие ярко выраженной территориальности, в этом отношении сленг сильно отличается от многочисленных диалектов немецкого языка;

- много слов с нетипичными для литературного языка значениями (например, *die Gans* не только «гусь», но и «дурак»);

- обилие редуцированной лексики уничижительного характера (*das Affenbaby* – ублюдок, *die Amsel* – дурак, *der Assi* – отморозок и т. д.) [2].

Типичным для немецкого молодежного языка современности является широкое использование англицизмов (заимствований из английского языка или их вариаций, примененных к немецкой грамматике), причем это явление широко распространено в большинстве стран мира.

Сленг обычно очень точен. Например, разговорное слово „facebooken“ заменяет все словосочетание литературного верхненемецкого языка „auf Facebook surfen“, что означает «сидеть в Фэйсбуке». Подобным же образом возникли такие глаголы, как *googeln*, *chatten*, *copy-pasten*, *mailen* и др., адаптировавшиеся к немецкой грамматике.

Немецкий молодежный сленг проник практически во все сферы общения, в том числе профессиональные и формальные. При этом в основном используются эмоционально-нейтральные слова и выражения, не несущие ярко выраженной негативной окраски.

В Германии изучение молодежного сленга идет очень активно, и молодежные энциклопедии изданы даже на четырех-пяти языках. Каждый год выбирается «молодежное слово года». До 2018 г. молодежное слово выбирало жюри Langenscheidt-Verlag. В то время выборы подверглись критике из-за вопроса о том, может ли жюри, состоящее из пожилых людей, действительно быть достаточно близко к языку молодых людей, чтобы судить о молодежных словах. Молодые люди часто не могли идентифицировать себя с выбранными терминами. После того как Langenscheidt-Verlag перешла к Pons-Verlag в 2019 г. и выборы молодежного слова провалились, издательство отреагировало на критику и попросило молодых людей проголосовать в 2020 г. В 2021 г. было выбрано слово *cringe* (от англ. «что-то отвратительное или жуткое», также «испанский стыд, вызванный действиями другого человека»). Слово *cringe* набрало по итогам конкурса 42% голосов, опередив *sus* (32%) и *sheesh* (26%). Первое слово – это сокращенный вариант английского слова «подозрительный» – «подозревать», а *sheesh* –

неформальное восклицание, выражающее недоверие [4].

Что касается русского языка, то среди молодежи одним из наиболее популярных также является заимствованное из английского «кринж». Здесь трудности в понимании полностью снимаются в связи с абсолютным совпадением лексем и их значений в немецком и русском языках.

В стартовом составе уже присутствуют кандидаты на молодежное слово 2022 г.

- «Bre» – новейший вариант для «Digga», «Bratan», «Bro» и «bruh», т.е. для приятеля.

- Вместо «sus» все чаще можно услышать «shady». Смысл остается прежним – «подозрительный или изворотливый».

- «Flexen» означает что-то вроде хвастовства, например, дорогой машиной. Заядлые Интернет-пользователи давно знакомы с фразой «weird flex but OK» – легкомысленный ответ, когда кто-то хвастается совершенно бессмысленными вещами.

- Все еще популярно слово «lit» (= круто).

- «No front» ставится перед предложением, чтобы указать, что сказанное не должно быть обидным или оскорбительным.

- Вместо «Geringverdiener» – неудачники, теперь можно называть «Cheche» – благодаря видео в TikTok, которое стало вирусным. Что это значит? Никто не знает наверняка.

- «Red Flags» – это четкие предупреждающие знаки, сигнализирующие о том, что вам лучше не вступать в отношения с определенным человеком.

- Согласны ли вы со своими деловыми партнерами по идее или бизнес-плану? Просто ответьте «same», и они будут знать, что вы с ними согласны.

- «Exting» – расставание с парнем или девушкой через текстовое сообщение.

- «Banalverkehr» – неактуальная история чата.

- «Napflixen» – просмотр Netflix во время засыпания [1].

Безграничной является фантазия молодежи в создании новых слов для обозначения обыденных понятий. Зачастую при таком словотворчестве происходит опора на внешнее сходство с каким-либо предметом или на сходство в выполнении определенных функций. Немецкий язык, в котором большую роль играет словосложение, предоставляет благодатную почву для создания метких сленгизмов.

Встретив слово *Gelbsüchtiger*, скорее всего мы переведем его как «желтушный, больной желтухой». Однако в современном молодежном сленге так называют почталлонов, которые носят в Германии желтую форму. Поэтому, чтобы избежать

недоразумений в коммуникации, необходимо обладать социокультурными представлениями.

Адвоката современная немецкая молодежь называет *Mietmaul*. Данное слово состоит из двух частей: *mieten* – нанимать, *das Maul* – рот, пасть. То есть буквально получается «нанятый рот».

Интересное явление представляет собой слияние слов в одно, часто такие новообразования базируются на созвучиях, на игре слов. Например: *Dummfall* «dummer Unfall» – глупый несчастный случай, нелепая авария.

В связи с переходом на коммуникацию в социальных сетях, которая требует от участников скорости, появляется множество сокращений и аббревиатур, шифрующихся не только отдельные слова или словосочетания, но и целые предложения. Активно используются в чатах MfG – mit freundlichen Grüßen, hdl – hab dich lieb, ikea – Ich krieg einen Anfall, smile – So möchte ich leben, gg – good game (выражение геймеров) и др.

Для анализа культуры молодежного сленга рассмотрим также несколько интернет-мемов и попытаемся расшифровать их. Интернет-мемы – это явление, которое медленно развивалось вместе с Интернетом. Мемы – это в основном забавные фотографии или видеоролики, которые быстро распространяются среди пользователей Интернета. Они либо пересылаются напрямую друг другу, либо размещаются на предназначенных для этого веб-сайтах или платформах социальных сетей. Интернет полон ими, и теперь существует бесчисленное множество версий мемов.

У мемов есть особенность. Они индивидуальны и общезначимы. Потому что вы можете реагировать на мем, только если вы его понимаете. Для этого у вас должны быть схожие взгляды и опыт. Если у многих людей был подобный опыт и схожие взгляды, мем станет популярным. И наоборот, любой, кто не имел опыта или имеет другие взгляды, не может реагировать на мем. Человек его просто не понимает.

«Anzeige ist raus» – немецкий мем из серии репортажей «Тото и Гарри». В сериале «Тото и Гарри» полицейский Тото неоднократно говорил «Anzeige ist raus». Результатом стал мем, который в шутку распространяется в Интернете.

Мем «Anzeige ist raus» используется, когда кто-то не добивается своего, сталкивается с чем-то, чего он не хотел, или считает, что другие нарушают правила и угрожают вызвать полицию или привлечь адвоката. «Anzeige ist raus» (заявление в полицию подано) используется в социальных сетях в шутку, чтобы выразить возмущение. «Anzeige ist raus» также означает бессилие, гнев и раздражение. Это означает, что кто-то не знает, чем помочь себе, кроме как включить государственные органы (полицию). «Anzeige ist raus» также означает, что кому-то не хватает смелости постоять за себя или других.

Однако выражение «Anzeige ist raus» также намекает на то, что некоторые люди слишком поспешно угрожают вызвать полицию или своего адвоката и не подкрепляют эту угрозу действиями. Так что это просто фраза, сказанная в гневе. В данном контексте не более, чем пустая болтовня.

Таим образом немцы могут использовать мем «Anzeige ist raus» в простейших жизненных ситуациях: если кто-то хлопнул дверью при входе в дом; если кто-то проигрывает в многопользовательской онлайн-игре; если шумят соседские дети; если дождь намочил машину; если стиральная машина должна была достирать 30 минут назад, но она все еще стирает...

Конечно, не имея дополнительных сведений о происхождении данного мема, вряд ли иностранец, изучающий немецкий язык, с ходу поймет его значение и оценит в нужной степени юмор.

Термин «Mimimi» обычно используется для привлечения внимания к чрезмерной жалости к себе, слезливости, вою и нытью. «Mimimi» также показывает, что пишущий или говорящий «Mimimi» выражает не жалость, а насмешку.

Вместо «Mimimi» можно также использовать «Heul leise!». Это имеет другой контекст. «Heul leise!» – это просьба, тогда как «Mimimi» может быть провокационным до смешного.

Примеры «Mimimi»:

- Все отстой. – Mimimi.
- Вчера я травмировался, занимаясь спортом. – Mimimi.
- Я так устал. Я так мало спал. – Mimimi.

Забавный пример с лягушкой, лежащей на спине и выглядящей уютно устроившейся, использующей кувшинку и окружающую листву как шезлонг. Мем гласит: «Mir reicht, wenn ich weiß, dass ich könnte, wenn ich wollte», что переводится как «Мне достаточно, когда я знаю, что мог бы, если бы захотел».

Другой перевод «Mir reicht (es)» – «с меня достаточно», который по-прежнему хорошо работает в утверждении, но важно уточнить контекст, чтобы не только сделать утверждение смешнее, но и лучше понять его.

Как видим, некоторые немецкие мемы легко перевести и понять шутки, но другие используют интернет-сленг или даже различные диалекты, заставляя нас искать и узнавать, что они на самом деле означают. Может быть, у нас и не возникает проблем с переводом, но юмор не всегда переводится.

Словари молодежной лексики дают нам богатейший фактический материал для дальнейшего научного осмысления, ведь молодежный жаргон – это не только специфическая лексика и фразеологизмы, но и зеркало социальных отношений, быта и молодежной субкультуры. Изучение этих словарей показывает, что молодежный жаргон отражает лексико-семантические процессы, происходящие в нормативном языке. Однако ввиду стремительного изменения молодежной лексики не всегда удается своевременно отражать все новые лексические

единицы в словарях.

Подводя итог, следует отметить, что сленг, претерпевая изменения на постоянной основе ввиду быстрого преобразования общества, и дальше будет развиваться, что мотивирует студентов к его изучению. Интересны с этой точки зрения исследования молодежного языка в интернет-общении, при отсутствии же знаний молодежного языка вас могут счесть за *sozialtot* (буквально: социально мертвым), т.е. не общающимся в социальных сетях.

Список литературы

1. Allesprachen [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.allesprachen.at/blog/jugendsprache/> (дата обращения: 23.09.2022).
2. dasПРОЕКТ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/32SaSt> (дата обращения: 12.10.2022).
3. Schlobinski P. Jugendsprache und Jugendkultur. // Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenteilung 'Das Parlament'. Nr. B5/2002. S. 14-19.
4. Информационный портал Germania-online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/ausbildung/Sprache/-/2493588> (дата обращения: 23.09.2022).
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
6. Липатов А.Т. Сленг как проблема социолингвистики. М.: Элпис, 2010. 318 с.
7. Липатова В.В., Литвинов А.В. Понятия эквивалентности и адекватности в преподавании перевода в высшей школе на современном этапе // М.: Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2011. С. 105-113.
8. Морозов Е.А. Kiezdeutsch и язык Гёте – две вещи несовместные? (к вопросу о влиянии молодежного сленга на немецкий литературный язык) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 119-127.
9. Руденко М.Ю. Исследование аргота, жаргона и сленга: вопросы терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 127-134.
10. Хомяков В.А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского языка. Вологда: Областная типография, 1971. 103 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранихина Анна Павловна – магистр направления Педагогическое образование, старший лаборант, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Карпова Елена Владимировна – доцент, кандидат философских наук, доцент, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Кива-Хамзина Юлия Леонидовна – доцент, кандидат философских наук, заведующая кафедрой, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Кривуть Виталий Иванович – доцент, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь.

Лупандина Елена Александровна – старший преподаватель, кафедра художественно-эстетического воспитания, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург.

Малеко Владислава Евгеньевна – бакалавр, кафедра языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Мартынова Наталья Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра социальной работы и психолого-педагогического образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Новгородова Юлия Эдуардовна – бакалавр, кафедра социальной работы и психолого-педагогического образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Попова Людмила Викторовна – доцент, доктор филологических наук, доцент, кафедра филологии, Челябинский государственный университет (ЧелГУ), Миасский филиал, г. Миасс.

Попов Иван Юрьевич – бакалавр, кафедра филологии, Челябинский государственный университет (ЧелГУ), Миасский филиал, г. Миасс

Рубанова Наталья Анатольевна – доцент, кандидат юридических наук, доцент, кафедра права и культурологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Сулейманов Александр Альбертович – старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии Наук, г. Якутск

Теморбулатова Екатерина Александровна – бакалавр, кафедра романо-германской филологии и перевода, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

Уразаева Наиля Радифовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент, кафедра романо-германской филологии и перевода, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Мы приглашаем Вас к участию в нашем журнале в качестве авторов. Журнал зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) и будет постатейно опубликован на сайте электронной библиотеки Elibrary.ru.

1. Социальные науки
2. Филология

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИНИМАЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ

К публикации принимаются статьи преподавателей, аспирантов и магистрантов.

СТАТЬЯ ДОЛЖНА ВКЛЮЧАТЬ:

- индекс УДК
- аннотацию (до 5-ти предложений)
- ключевые слова (4-5 слов)
- список литературы (ГОСТ Р 7.05-2008)

Аннотация и ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Рекомендуемый объем статьи – 8-12 стр.
2. Текст статьи, сведения об авторах, аннотация, ключевые слова и список литературы представляются на электронном носителе в виде файла, созданного средствами **Microsoft Word** формата А4.

При наборе статьи в **Microsoft Word** рекомендуются следующие установки:

шрифт – **Times New Roman**, размер – 14 пт, межстрочный интервал – полуторный, перенос слов – автоматический, поля – 2 см. с каждой стороны; отступы перед и после абзаца – 0 см.

К статье должна быть прикреплена заявка, включающая следующую информацию:

- Ф.И.О.
- Название статьи, количество страниц
- Место работы (учебы)
- Должность, ученая степень, ученое звание
- Телефон, e-mail.

Статьи проходят обязательное научное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38. Магнитогорский государственный технический университет.

Телефоны: 89123034461 Контактные лица: Рубанова Наталья Анатольевна, к.юрид.н., технический редактор
E-mail: rubanova64@mail.ru; (с указанием темы сообщения «Журнал»).